

ИМЕНАМИ ВАШИМИ СТОИМ

Евгений Балакин

16+

Евгений Балакин

Именами вашими стоим

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Балакин Е. Г.

Именами вашими стоим / Е. Г. Балакин — «ЛитРес: Самиздат»,
2010

Исторический роман в увлекательной форме рассказывает о государственной службе и светской жизни горных офицеров Колывано-Воскресенских заводов 18 века, воссоздает картины личного и гражданского героизма людей, волею судьбы вовлечённых в полный испытаний и приключений процесс освоения алтайских земель. В романе мы встречаемся с нашими далёкими предшественниками, центральное место среди которых занимает гениальный изобретатель Иван Иванович Ползунов, людьми, жившими любовью и преданностью к благословенному и суровому Алтаю. Для широкого круга читателей.

© Балакин Е. Г., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Самое тихое место	8
Глава 2. Русский вопрос	17
Глава 3. В Канцелярии Кольвано-Воскресенских заводов	36
Глава 4. Чарышская экспедиция Ивана Ползунова	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

*Посвящается моей жене,
Балакиной Елене Ивановне*

Пролог

Красивы леса в Западной Сибири. Раскинулись они на огромных расстояниях, укрыли плотно землю, и если бы не серебро рек и озёр, то с высоты птичьего полёта во все стороны, куда ни глянь, расстилалось бы бескрайнее зелёное море. А заблудиться в них чужому проще простого. Чуть только с тропинки в сторону сошёл, как уже со всех сторон замшелые стволы обступили, и только слышно, как где-то высоко наверху шумят, переговариваясь с ветром, верхушки деревьев.

С начала-то и не страшно, и солнышко так весело сквозь ветки подмигивает, вроде как успокаивает: мол, не бойсь, всё будет хорошо. Но вот вдруг где-то сзади ветка хрустнула, за ней другая, слева шорох, справа стук, и уже не по себе становится. Крикнешь наугад, авось, услышат, и стоишь, замерев, лоя рассыпающееся эхо. И вот! Отвечает кто-то. Гугукнет один раз – и затихнет. Кинешься на голос, спешешь, продираясь сквозь кусты, а он, голос этот, уже позади тебя гукает. А вот опять впереди! Остановишься тут как вкопанный, а между лопаток страх змейкой вьётся: догадался! Леший это резвится, в самую чащу заманивает.

У деревьев, как и у людей, свой табель о рангах имеется. Генерал-губернатором лесов сибирских издавна считается кедр-батюшка. За ним – сосна, ель, ну, и все остальные, кто помельче да попроще.

А бывало и такое: занесёт откуда-то гуляка-ветер чужое семя, бросит его оземь и вроде пустит оно свои корни вглубь, и вот уже и приподнимется на вершок, затрепещет тоненькими своими веточками, и ... всё на этом. Склонится бессильно, захиреет и уйдёт тихо в землю, как и не бывало. Но одному дереву повезло больше. Оно прижилось и дало многочисленное потомство, заставив потесниться другие породы. Имя этому дереву – яблоня.

* * *

Дом начальника Колывано-Воскресенских заводов генерал-майора Андрея Венедиктовича Беэра был самым заметным на Барнаульском заводе. На строительство его пошли лучшие сосны векового бора, на сотни вёрст протянувшегося вдоль Оби. Ставил дом Федька Рыжков, специально приглашённый для этого из Кузнецкой крепости мастер. Дело это было для него привычное, да вот только Беэр поставил одно непременно условие, а именно: дом сей должен иметь античный портик с фронтоном и колоннадой.

Федька, поломавшись немного, условие выполнил, так как в молодости в Санкт-Петербурге бывал, и представление о фронтонах и портиках имел. Заказчик работой остался доволен, и вскоре въехал в новый дом.

Хозяйство у Андрея Венедиктовича было большое, хлопотное и очень ответственное, потому докладывать о состоянии дел на вверенных ему заводах приходилось иногда и самой Императрице лично. Что же за интерес был у Её Величества к этим заводам, находящимся в нескольких тысячах вёрст от столицы, на самом краю Российской империи?

А интерес был в том, что в землице этой добывалась ценная руда, из которой выплавлялись медь, золото и серебро. Алтайские эти месторождения были открыты людьми Акинфия Никитича Демидова, который каким-то звериным чутьём догадался о находящихся здесь несметных богатствах. Он и заложил первую плавильную печь в Колывани, а вторую намеревался поставить при впадении речки Барнаул в могучую Обь, месте чрезвычайно удобном для этих целей, да к тому же имеющем огромные запасы древесины.

В крепости при Барнаульском заводе находились две роты регулярной армии, отряд казаков да несколько пушек. Эти меры предосторожности лишними не были, поскольку вокруг было всё ещё беспокойно. Шорских и телеутских князьков до сих пор вдохновляла призрачная тень хана Кучума, к тому же близкое соседство с воинственным Джунгарским государством спокойствия в этих местах не прибавляло. Вот краткая предыстория, которая необхо-

дима для того, чтобы вы, уважаемый читатель, смогли верно существовать в тех событиях, которые последуют далее.

Глава 1. Самое тихое место

В этом году июнь был нежарким, часто шли дожди, а вот теперь, в начале июля, дни стояли исключительно тёплые и солнечные. Правда, по ночам стелющаяся по земле прохлада заставляла почувствовать неотвратимое приближение осени. На Барнаульский завод опускались сумерки. Пахло скошенной травой, древесным углем и ещё чем-то неуловимым, идущим от человеческого жилья. Чёрный дым работающих днём и ночью печей, вылетая из труб, поднимался в небо и исчезал, растворяясь в надвигающейся ночи. И только дом начальника Кольвано-Воскресенских заводов генерал-майора Беэра сопротивлялся своими освещёнными окнами, отодвигая подальше от себя тёмную густоту ночного воздуха.

В тот день по случаю предстоящей поездки в Томск, и чтобы доставить удовольствие своей молодой жене, генерал-майор пригласил к себе всё местное высшее общество. Не сказать, чтобы Андрей Венедиктович был большим любителем таких вечеринок, но он считал обязательным время от времени устраивать их. Суровость местной жизни, скудность каких бы то ни было развлечений, действовали на привыкших к другим условиям людей угнетающе. Беэр это понимал.

Из распахнутых окон слышны были звон посуды, возбуждённые мужские голоса, русская речь мешалась с немецкой. Судя по всему, шампанского гости выпили немало, и веселье было в самом разгаре.

Внезапно входная дверь широко распахнулась, и в освещённом проёме показалась тоненькая женская фигурка. Это была Лизочка Арсентьева, по мужу Елизавета Андреевна Беэр. Она громко смеялась, а затем, повернувшись к кому-то невидимому, крикнула:

– Остановитесь и не приближайтесь ко мне, Йозеф! Вы слишком много выпили шампанского, и стали совершенно невыносимы!

Она легко сбегала по ступенькам вниз и села на изящную скамеечку, возбуждённо обмахиваясь веером. Человек, которого звали Йозеф Пох, сначала появился неверной тенью на крыльце, а потом и сам возник в дверях чёрным силуэтом. На мгновение остановившись, он увидел сидящую фигурку, а затем опрометью кинулся к ней.

– Не вино делает меня таким, фрау Лиза, а ваше равнодушие. О, если бы я мог достать любовный напиток, подобный тому, что зажёт страстью сердца Тристана и Изольды, я бы наполнил им чашу Грааля, и, сопровождаемый Валькириями...

Лицо Поха, освещённое неярким светом луны, выражало восторг, смешанный с какой-то затаённой мукой. Его можно было бы назвать даже красивым, если бы не судороги, появляющиеся внезапно и искажающие лицо это до неузнаваемости.

Цветы источали сладкий аромат и слегка кружили голову. Пох сорвал один из них и, опустившись на колено, протянул его Елизавете Андреевне.

– Боже, он ещё и поэт!

Она взяла цветок, затем, скорчив недовольную гримаску, стукнула Поха веером по плечу.

– И всё-таки я не намерена это выслушивать.

Голос её звучал серьёзно, с лёгким оттенком недовольства.

– Как вы не понимаете, что своим поведением компрометируете меня?

Елизавета Андреевна встала с твёрдым намерением закончить этот разговор и идти в дом, но Пох, стоя на коленях, схватил её за подол платья и не отпускал. Голос его звучал умоляюще.

– Милая... Милая! Майне либе Лиза! Я ничего не могу с собой поделаться... Любовь! Это выше человеческих сил. Вы богиня, а я простой смертный...

Не ожидавшая такого напора, она остановилась в растерянности.

– Господи, Йозеф, я не богиня! И я не давала вам ни малейшего повода для подобных излишней страсти.

– Майне либе Лиза, уже само существование ваше есть повод для рыцарского преклонения.

Пох продолжал крепко сжимать в своих руках её платье, в голосе его появились истерические нотки.

«Господи, какой же он ненормальный! Ничего подобного от него не ожидала», – подумала Елизавета Андреевна, глядя на его аккуратный пробор.

Она вдруг представила это со стороны. Происходящее напоминало ей сцену из какого-то плохого водевиля.

– «Как всё это пошло!»

Она с силой, рискуя порвать ткань, выдернула платье из рук Поха:

– Пожалуйста, Йозеф, преклоняйтесь, но на расстоянии!

Елизавета Андреевна, держа спину прямо, направилась в дом. Она внутренне негодовала не столько на Поха, сколько на самоё себя за то, что не сдержалась в выражении своих эмоций и, наверное, вела себя слишком легкомысленно в отношении него, что и послужило поводом к подобной ситуации. Но Лизочка Беэр в собственной несдержанности укоряла себя недолго, так как неугомонный саксонец, считавший разговор отнюдь не законченным, неожиданно быстро обогнал её и встал перед самой дверью.

– Я не успокоюсь, пока вы не дадите хоть малейший знак своего расположения ко мне!

Пощёчина, которую Пох получил в следующее мгновение, ясно дала ему понять, что всё расположение Елизаветы Беэр к нему, ежели таковое и имелось, рассыпалось в прах.

Жена генерал-майора Беэра была очень привлекательной женщиной, это признавали многие из тех, кто её знал. Но сейчас, в этот момент, она была просто красавицей!

Её большие зеленоватые глаза, опущённые копьями длинных ресниц, казалось, прожигали несчастного потомка древних германцев насквозь. Пох, держась рукой за пылающую щеку, от этого взгляда попятился, освобождая Елизавете Андреевне путь.

– А в следующий раз я пожалуюсь на вас мужу.

Она ушла в дом, а Пох ещё долго стоял между двумя колоннами античного портика, повторяя про себя её последние слова.

Бурная реформаторская деятельность Петра Первого в России имела свои последствия и для стран Западной Европы. Многие иностранцы, только понаслышке знавшие о существовании Московии, были втянуты могучим водоворотом российских событий в эту страну, и служили своим новым хозяевам честно, верой и правдой. Тем более что условия для них здесь создавались почти идеальные.

Именно возможность заработать хорошие деньги и привела горного мастера Йозефа Поха из любезного его сердцу Дрездена в место, которое на картах мира либо обозначалось белым пятном, либо вообще отсутствовало. Дома осталась старушка-мать, единственной мечтой которой было женить сына на дочери местного пастора, успеть помянуть внуков и тихо отойти в иной мир к многочисленным предкам. И разлуку со своим милым Йозефом почтенная фрау расценивала как необходимое зло, с которым надо временно смириться. Всем своим соседям она говорила, что её мальчик заработает в этой дикой России много денег, вернётся в Дрезден, женится, и уже больше никогда не оставит свою старушку-мать одну.

Но когда Йозеф Пох наконец-то добрался до Барнаульского завода, все самые худшие его опасения оправдались полностью. Дикость, грязь, невероятная удалённость от Европы, отсутствие самых на его взгляд примитивных удобств, тупость этих безмозглых русских мужиков, и вдобавок ко всему прочему выяснилось, что он совершенно не способен переносить эти жуткие морозы.

Два проведённых здесь года показались Поху непрерывным кошмаром, а впереди было ещё два. Его не радовали здесь ни деньги, которые ему исправно выплачивали в заводской канцелярии; ни успехи русских подмастерьев, которые с трудом умели читать и писать, но, тем

не менее, успешно овладевали всеми тонкостями плавильного дела; ни дикие красоты Алтая. Всё это его мало трогало, и он считал дни, когда сможет вернуться домой в цивилизованную, размеренную и такую привычную жизнь.

Иногда, просыпаясь по утрам, он удивлённо оглядывался словно спрашивая себя, что он тут делает, и какая сила занесла его в этот глухой медвежий угол. Не находя ответа, вставал, одевался, шёл на службу, с остервенением бил по лицу ни в чём не повинных рабочих, а вечером запирался в своей комнате и сидел, тупо уставившись в стенку, до самой темноты, не зажигая свечей.

Всё изменилось, когда к начальнику Колывано-Воскресенских заводов приехала жена Елизавета Андреевна Беэр.

Когда Пох впервые увидел её, он закрыл глаза и стоял так несколько мгновений, не в силах справиться с душевным волнением. Все мадонны итальянских и немецких мастеров живописи получили в ней своё полное воплощение. Он не знал, как это возможно, но молодая женщина произвела на него впечатление сродни тому, которое он испытал в детстве, впервые услышав орган.

После этого события жизнь Поха здесь приобрела особый смысл. Он уже больше не обращал внимания на неудобства, которые его окружали. Целью его существования, его страстью стала эта женщина, этот ангел, этот образ, сотканный из его грёз и мечтаний. Но, скрытный по натуре, Пох держал это чувство глубоко в себе, стараясь не давать ни малейшего повода для сплетен и ненужных разговоров.

И вот сегодня атмосфера весёлого вечера, выпитое шампанское и близость к предмету своего обожания, – всё это позволило ему надеяться на то, что... Он и сам толком не знал на что, но он должен был с ней объясниться.

...Один из ночных мотыльков, бившихся в стекло масляной лампы, опалил крылья, закрутился в воздухе и, ударившись Поху в лицо, упал вниз.

Пох посмотрел на него и внезапно подумал, что он и сам сейчас вроде этого мотылька: без крыльев и без всякой надежды. Но это неправильно! Он молод, у него всё впереди. А то, что произошло сейчас... Он просто поторопился, а она не так поняла. А может, сердце её не свободно?

Нет, муж тут ни причём! Он старше своей жены в два раза. Этот брак не по любви. Но тогда кто занял в её сердце место? Йозеф Пох, мучаясь от ревности к неизвестному сопернику, поклялся себе, что добьётся любви обожаемого им ангела, чего бы это ему не стоило.

В числе приглашённых к Беэру гостей находился Николай Иванович Булгаков, горный офицер в звании капитан-поручика. Это был человек выше среднего роста, худощавого телосложения. Внешность имел при этом самую привлекательную для женского пола. Он, несомненно, знал об этом, но не придавал особого значения.

Отец его, Иван Александрович Булгаков, дослужившись до полковника артиллерии и имевший множество ранений и наград, вот уже третий год как пребывал в отставке. Голубой мечтой старого вояки было увидеть своего первенца Николку печатающим шаг на Дворцовой площади в кавалергардском полку. Привилегии гвардейцев, возможность быстрого карьерного роста, всё это, по мнению старшего Булгакова, должно было привлечь сына. Совсем не обязательно рубить в капусту врагов на поле боя и задыхаться в пушечном дыму, как это было у него самого. Но Николка, прослужив в гвардии несколько лет, неожиданно для всех, решил связать свою жизнь с делом, к войне никакого отношения не имеющим. Отец к выбору сына отнёсся с уважением, и только тайно вздыхал, представляя его в аксельбантах и с плюмажем из белых перьев.

В свои тридцать лет Николай Иванович был одинок. Из достоинств имел твёрдый характер и светлую голову. В суждениях своих был непреклонен и резок, чем вызывал немалое недовольство у начальства своего, терпевшего его, однако, по причинам от них независимых. Бул-

гаков очень хорошо знал горное дело. Образование он получил за границей, и к тому же имел богатую практику на Урале. Из недостатков особого внимания заслуживает лишь его чрезмерное увлечение спиртным, а в остальном, если что и было, в глаза не бросалось.

Складывая в карман выигранные им в карты двести рублей, Николай Иванович заявил в ответ на протестующие крики партнёров, что играть сегодня он больше не намерен, и что это в их же интересах. После чего он выпил большую рюмку коньяку, и решил выйти из душных комнат на улицу.

Следует особо становиться на обстановке генеральского дома и людях, представлявших собой местное общество. На званный вечер пришли несколько чиновников заводской канцелярии, а в основном это были горные мастера, которые указом императрицы были приравнены к артиллерии и носили офицерские звания. Некоторые были с жёнами.

Попавший в первый раз в Барнаул какой-нибудь чиновник по особым поручениям из столицы был бы приятно поражён.

Местные дамы, несмотря на чудовищное расстояние от Санкт-Петербурга или Москвы, всегда одеты в костюмы нарядных материй, сшитые по последним парижским модам. Столы в зале убраны со вкусом и изысканностью, и вся обстановка выглядела такой, какой она бывает в современном европейском обществе. Все комнаты в доме были драпированы в разные тона, украшены роскошными цветами. Обилие картин на стенах, преимущественно на батальные темы, говорило об особых художественных пристрастиях хозяина дома.

Что ещё заслуживает внимания, так это огромное количество стульев, кресел и диванов. Столы стояли у каждой стены, в каждом углу. А так как основным развлечением здесь была карточная игра, то, вполне понятно, что почти все столы здесь были игорные.

Выйдя на улицу, Николай Иванович с удовольствием ощутил на разгорячённом лице ночную прохладу. Он закрыл глаза и стоял так несколько мгновений, ни о чём не думая, отдавшись состоянию расслабленности и покоя.

Вздыхнув полной грудью, он спустился по ступенькам вниз, и тут его внимание привлекли какие-то странные звуки, которые раздавались со стороны улицы, скрытой от его взора разросшимися кустами сирени.

Заинтересовавшись, капитан-поручик вышел на Петропавловскую линию. Вдали, на Соборной площади, темнел силуэт Петропавловского собора, а в нескольких метрах от Булгакова горный мастер Йозеф Пох бил по лицу какого-то солдата. Второй солдат стоял рядом, вытянувшись по стойке «смирно» и держа руки по швам.

– Почему молчишь, свинья? Повтори! Повтори!

Пох говорил сквозь зубы, размеренно и неторопливо нанося удары. Голова несчастного болталась из стороны в сторону, а разбитые в кровь губы с усилием выдавливали из себя:

– Не могу знать, Ваше благородие! Не могу знать!

– Не можешь знать? Это Данте! Его знает вся Европа, свинья!

Порядки, царившие на Барнаульском заводе, да и не только на нём, мягкостью не отличались. Это было жестокое время, когда кусок самородного золота или слиток выплавленного здесь серебра забирали душ человеческих без счёта. А мордобой и зуботычины делали ненужными слова, и были расхожею монетой в общении между сильными и подневольными.

Капитан-поручик, дитя просвещённого века, знакомый не понаслышке с работами французских энциклопедистов, внутренне всегда противился такому произволу и унижению человеческого достоинства, при этом хорошо понимая, что государственный уклад в России ещё не скоро изменится в этом смысле в лучшую сторону. Но его особенно возмущал вид безнаказанно распускающих руки иностранцев.

«У себя дома он такого не позволил бы. Конечно, Европа! А здесь одни туземцы», – с неприязнью подумал Булгаков и, сделав движение к Поху, крепко схватил его за руку:

– Не думаю, господин Пох, что все мясники в вашей разлюбезной Саксонии знают Данте.

Не ожидавший этого, Пох обернулся. Его лицо кривилось от боли, так как Булгаков непроизвольно сжимал его руку всё сильнее и сильнее.

– Отпустите меня, – прошептал он побелевшими губами, – вы не понимаете. Этих людей надо воспитывать, потому что они шлак, пустая порода...

– Русские люди пустой породой никогда не были, а здесь в Сибири – и подавно! Советую вам это запомнить.

Голос капитан-поручика прозвучал негромко и очень жёстко, после чего он медленно разжал свои пальцы.

Где-то в районе заводского пруда стукнул в колотушку сторож. Ему в ответ в генеральском доме с треском вылетела пробка из бутылки шампанского, переполошив собак в ближайших дворах.

– Я буду жаловаться на вас Его Превосходительству, господину Беэру.

Пох с ненавистью посмотрел на Булгакова, затем перевёл взгляд на солдат. Они были свидетелями его унижения, и он им этого прощать не собирался.

«Жаловаться он будет, обидели его. Искалечить человека ему, видите ли, не позволили», – подумал капитан-поручик. И хотя отношения его с начальником Колывано-Воскресенских заводов складывались непросто, но желание поставить на место зарвавшегося немца было сильнее:

– Сделайте милость, хоть сейчас.

Услышав это, Пох круто развернулся и почти побежал к дому Беэра. Усмехнувшись про себя, Булгаков посмотрел на солдат. Те всё это время молча стояли рядом, настороженно наблюдая за происходящим.

– Зовут как?

– Барнаульского горного батальона солдаты Анисим Чуркин и Еремей Кабаков! Приказано следить за тишиной и порядком.

Пострадавший солдат, видимо старший, старался говорить бодрым голосом, чётко произнося слова, но разбитые губы не слушались.

– Плохо следишь, Анисим. Кровь вытри.

Николай Иванович, достав платок, протянул его солдату, но тот, отрицательно покачав головой, сорвал несколько листиков подорожника и, поплевав на них, обтёр своё лицо.

– Не извольте беспокоиться, Ваше благородие. Это ничего. Это мы вытерпим.

– Так точно, Ваше благородие! – гаркнул второй солдат, давно молчавший и, видимо, желая оставить о себе у начальства хорошее впечатление. Булгаков посмотрел на него.

– Что «так точно»? – при этом он нахмурил брови и сделал грозный вид. – Что так точно?

Струхнувший солдат заморгал глазами. Он уже пожалел, что вообще открыл рот и ему, чтобы исправиться, оставалось только одно:

– Никак нет, Ваше благородие!

– Вот именно, что никак нет. Идите отсюда и запомните, что дом генерал-майора Беэра – самое тихое место во всём Барнауле!

Послышался двойной хлопок вылетевших пробок от шампанского и радостный женский визг.

– Понятно вам?

– Так точно, Ваше благородие, понятно!

Булгаков махнул рукой, отпуская солдат, и скоро их фигуры исчезли в направлении Тобольской улицы.

Стычка с Похом настроения Николаю Ивановичу не прибавила, но капитан-поручик испытывал удовлетворение, вспоминая, как тот пытался вырваться от него.

«Чёрт возьми, сколько же ещё пренебрежения и чванливого высокомерия должны испытать мы на своей шкуре, пока сможем говорить на равных с нашими благодетелями, – подумал он. – Но без них пока не обойтись».

– Только врѣшь! – неожиданно для себя вслух сказал Булгаков. – Мы запрягаем медленно, а скачем ох, как быстро!

– С кем это вы, Николай Иванович? – вдруг послышалось позади него.

По голосу капитан-поручик узнал Христиани, Иоганна Самюэля, или, для удобства, на русский лад – Ивана Семёновича. Не поворачиваясь к нему, Булгаков вскинул обе руки к небу, как бы стараясь обнять его, и сказал голосом французского трагика:

– Со звѣздами, Иван Семёнович! Со звѣздами!

Иоганн Самюэль Христиани, как и большинство иностранцев, работающих на Колывано-Воскресенских заводах, был выходцем из Саксонии. Ещё он был племянником Андрея Венедиктовича Беэра. Как горный специалист начал служить управителем Колыванского завода ещё под началом действительного статского советника Акинфия Никитича Демидова. Поговаривали, что по заданию Демидова он вместе с плавильным мастером Иоганном Юнгхансом, тоже саксонцем, тайно от центральных властей наладил выплавку серебра, что частным лицам без особого разрешения категорически запрещалось.

– ...Ваше Превосходительство, как вы и предполагали, колыванская руда богата содержанием золота и серебра.

Христиани говорил, стараясь смотреть Демидову прямо в глаза, хотя стоило ему это невероятных усилий. Тяжёлый взгляд Акинфия Демидова упёрся в него и давил, парализуя волю и делая невозможным малейшее сопротивление.

Демидов подошёл к Христиани так близко, что тот непроизвольно попятился.

– Немедля начать выплавку серебра, – и чуть тише, почти шёпотом, добавил – моего серебра...

Позднее, когда после смерти всесильного Демидова вся его сибирская собственность отошла к императорской фамилии, Христиани, по предложению Беэра, заключил контракт с Кабинетом Её Императорского Величества на службу в Колывано-Воскресенских заводах.

Сейчас он являлся управляющим Барнаульским сереброплавильным заводом и членом Канцелярии горного начальства. Был он невысокого роста, крепкий. Черты лица имел крупные, и всё в его облике выражало внутреннюю энергию и силу. Обладание властью для него было той жизненной приманкой, которая определяла всё его поведение. При этом был очень хитёр и осторожен, что и позволяло ему избегать опалы, хотя, как говорится, рыльце у него было очень даже в пушку!

– Со звѣздами говорите? Только бесполезное это дело.

Иван Семёнович, когда выпивал не меньше двух бутылок шампанского, начинал говорить с сильным акцентом. Сейчас был именно такой случай.

– С чего вы это взяли? – Булгаков опустил руки и посмотрел на него. – Звезды – это хорошо. Вон, взгляните на ту! Как переливается! Ну, чистый бриллиант!

– Дорогой мой, – Христиани взял Булгакова за локоть и медленно повёл вдоль улицы. – Звѣзды, как и женщины, также непостоянны. Ночью они с вами, а днём уже с кем-то другим.

– Вам лучше знать. Мои звѣзды всегда со мной.

– Кто бы сомневался!

Христиани остановился и, неприятно улыбаясь, как-то искоса посмотрел на него.

Раздавшиеся позади чьи-то быстрые шаги заставили мужчин обернуться. К ним, запыхавшись, подбежала девушка, и теперь стояла, переводя дыхание. Это была Настя, прислуга Елизаветы Андреевны.

– Вот вы где, Николай Иванович! А я вся избегалась, покуда вас нашла... Елизавета Андреевна велела передать вам, что скоро подадут десерт и ещё, что ей нужен партнёр для фараона. Вы ей обещали! – на одном дыхании выпалив всё это, она в ожидании устала на Булгакова.

– Ну вот, ещё одна звезда упала.

У Ивана Семёновича это прозвучало негромко и довольно ехидно. Капитан-поручик смеялся взглядом:

– Вы на что намекаете, господин Христиани?

Сообразив, что намёк получился очень уж прозрачным, осторожный немец притворно засмеялся:

– Боже упаси, ни на что! Просто наша очаровательная хозяйка желает, чтобы вы были рядом с нею, только и всего.

Настя нетерпеливо переминалась с ноги на ногу.

– Так вы идёте?

– Иду. Постой! Принеси-ка мне сюда, Настенька, для начала коньяку да мочёного яблока на закуску.

– Для начала? – девушка удивлённо распахнула глаза. За этот вечер капитан-поручик уже трижды отсылал её за коньяком. Булгаков невозмутимо смотрел на неё. Настя рассмеялась.

– Коньяк как обычно пить извольте, из стакана?

– Из стакана, милая, из стакана.

Настя кивнула головой, чинно повернулась и медленно пошла, покачивая бёдрами, чувствуя на себе взгляды господ. Затем резко обернулась, засмеялась озорно и убежала, подхватив подол юбки.

– Огонь-девка, – пробормотал ей вслед капитан-поручик.

– Вы много пьёте, – посочувствовал Христиани.

Булгаков насмешливо посмотрел на него:

– Не больше, чем другие.

– И какую такую истину вы ищете в спиртном?

Николай Иванович в свою очередь взял Христиани под локоть и вежливо, но довольно настойчиво, повёл его обратно к дому Беэра.

– Извольте, отвечу. Давно пытаюсь выяснить, сколько пудов золота и серебра ушло в карманы некоторых господ со всех рудников...

И уже очень доверительно прошептал ему в самое ухо:

– И в ваши карманы, между прочим, тоже. К земле такая ноша не тянет?

Булгаков почувствовал, как напряглась рука управляющего сереброплавильным заводом.

– Шутить извольте?

Сказано это было очень чисто, без малейшего акцента. Иоганн Самюэль Христиани смотрел холодно, с прищуром. Это были глаза человека, повидавшего и испытывавшего на своём веку столько, что иному и двух жизней не хватило бы на это.

– А, впрочем, вам никто не поверит. А если и поверят, и найдут других, то те, другие, тоже начнут воровать. Не очень хорошее слово, но зато очень верно отражает суть явления. Люди-то все одинаковы.

– По себе судите? – участливо поинтересовался Булгаков.

– Угадали, – в тон ему ответил Христиани. – И представьте себе, ошибаюсь редко. Ну, вы-то, конечно, совсем другое дело. А хотите совет?

Капитан-поручик изобразил на своём лице крайнее удивление, переходящее в высшую степень заинтересованности:

– От вас? Почту за честь.

Внешне Иван Семёнович оставался спокойным, и только где-то в глубине его глаз полыхало пламя.

– Уезжайте отсюда. В Северную Америку! Вы, судя по всему, республиканец, там вы будете на своём месте, а здесь вряд ли... Вряд ли.

Когда Христиани уже скрылся за кустами сирени на аллее, ведущей к генеральскому дому, Булгаков крикнул ему вслед.

– В Америку не поеду! Там по-русски не понимают!

Сцена, произошедшая между нашими героями, была неслучайной. Для её возникновения имелись все основания.

Богатый золотыми и серебряными запасами Алтайский край являлся лакомым куском не только для Императорской фамилии, но в не меньшей степени и для людей, занимающихся разработкой и добычей этих металлов. Контроль за всем, что здесь происходило, Кабинет нередко поручал именно этим людям, полностью доверяясь им, и зачастую напрасно. А руководящие посты на Колывано-Воскресенских заводах занимали в рассматриваемый нами период в основном иностранцы.

О сказочной роскоши, в которой жили здесь горные офицеры, ходили легенды. Поговаривали, что некоторые из них, подчиняясь моде, платили гувернантке-француженке своё годовое жалование, французу-повару – вдвое больше, а своё грязное бельё отправляли для стирки в Париж почтой.

– Вот ваш коньяк. А мочёные яблоки все закончились. Я вам последнее принесла.

Неслышно подойдя к Булгакову, Настя стояла, держа в руках маленький серебряный подносик с наполненным до краёв стаканом и мочёным яблоком в вазочке. Полная луна была прямо над ними, и в её холодноватом свете фигурка девушки с серебряным подносом в руках выглядела странно и нереально.

– Вот за это я тебя, Настенька, и люблю!

Булгаков взял стакан, помедлил, посмотрел на девушку. Та потупилась, но тут же подняла на него глаза, кривя губы в шальной улыбке. Николай Иванович погрозил ей пальцем, залпом выпил коньяк, поморщившись, поставил стакан на поднос, откусил яблоко.

– Ну и дрянь же этот коньяк. А яблочко ничего, – внезапно Булгаков обнял Настю и крепко поцеловал её в губы. – Ничего яблочко-то, а?

Вырваться из объятий капитан-поручика нечего было и пытаться, к тому же руки у девушки были заняты подносом.

– Пустите меня, Николай Иваныч! Увидят! Нехорошо это.

Упервшись подносом в его грудь, она напрягла всё своё гибкое тело, стараясь высвободиться, но уже через несколько секунд обречённо затихла.

– А ты будто знаешь, как хорошо! – Поцеловав её ещё раз, Булгаков разжал свои объятия. – Сама-то откуда родом будешь?

– Вас барыня ждёт...

Несмотря на то, что Булгаков её отпустил, девушка не спешила воспользоваться этим обстоятельством и оставалась на том же месте. Бросив на него взгляд из-под ресниц, она вдруг коротко вздохнула и тихо прошептала:

– С под-Курска.

Капитан-поручик наклонился к её уху и зашептал, щекоча его своими мягкими усами:

– А ежели я на тебе женюсь, поедешь со мной в Северную Америку? Там хорошо. Лучше, чем «с под-Курска».

Не ожидавшая этого Настя вздрогнула и замерла, чувствуя, как по телу побежала сладкая волна. Забывшись, она не заметила, как поднос в её руках накренился, и только в самый последний момент ей удалось удержать его в равновесии вместе с посудой. Придя в себя и сообразив, что за разбитую вазочку ей легко могло попасть, девушка отскочила от Булгакова на безопасное расстояние и в сердцах сказала:

– Врёте вы, Николай Иваныч, всё! Вон, я из-за вас чуть поднос не уронила!

– Решай скорее, а то передумаю, – не отступал от неё капитан-поручик. – Потом жалеть будешь!

Стоит Настенька с подносом в руках, как на распутье, и не знает, что сказать, как ответить на эти слова. Сердце-вещун не обманешь, шепчет оно: «Забава ты для него, игрушка в умелых руках». А тело молодое, здоровое, крепкое – своё требует, ласки хочет и любви. Как тут устоять? Вон какие у него усы-то мягкие!

– А это не очень далеко... в Америку?

– Не очень.

Николай Иванович вдруг вспомнил взгляд Христиани во время их последнего разговора. Взгляд этот ничего хорошего ему не сулил, и Булгаков это понял. «К чёрту! – подумал он. – Зубы обломает об меня. И не на таких управу находили». Он посмотрел на Настю. Та стояла рядом, и в широко раскрытых её глазах застыл вопрос.

– ... Не очень. Вот завтра же и велю туда лошадей закладывать, до Америки, курское ты моё яблочко! Только ты об этом молчок, никому ни слова. Договорились?

– Никому не скажу.

Настя, сама не зная почему, вдруг заплакала, и слёзы её падали мелкими горошинами на надкушенное яблоко.

Глава 2. Русский вопрос

Сидя в большом кресле, генерал-майор Беэр громко смеялся, вытирая тончайшим батистовым платочком выступившие на глазах слёзы. Рядом с ним, с бокалом шампанского в руке, стоял недавно назначенный управляющим Змеиногорским рудником Иоганн Готлиб (или Иван Гаврилович) Леубе, высокий худой человек с седыми бакенбардами и моноклем на золотой цепочке. Он только что рассказал какой-то забавный случай из своей жизни, чем и вызвал неудержимый смех начальника.

Андреас Венедиктович Беэр был сыном выходца из Германии, вступившего в русскую службу. С двадцати лет он состоял при Рудном приказе, был управляющим Сестрорецким и Тульским оружейными заводами. Позже был направлен во главе комиссии на алтайские медеплавильные заводы Акинфия Демидова для проверки доноса о незаконной выплавке серебра. Когда факты подтвердились, Беэр был назначен императрицей Елизаветой Петровной начальником этих заводов и произведён в генерал-майоры. Лет ему приближалось к шестидесяти, телом был грузен, голову украшала грива седых волос. Занимаемые им должности, требовавшие от него жёсткости ради беспрекословного повиновения подчинённых ему людей, сделали этого от природы незлого человека суровым и излишне подозрительным. Голос у него был сильный и низкий, заставляющий и непугливых людей вздрагивать.

– Ну, ты и рассмешил меня, Иван Гаврилович! Ну, нельзя же так, голубчик! Эдак у меня поросёнок обратно полезет. Слышишь, уже хрюкает?

Генерал смеялся, обводя взглядом присутствующих, как бы приглашая всех оценить его шутку.

Присутствующие шутку оценили. Жена прапорщика Хлызова, пухленькая и разнаряженная Ольга Леонидовна, пользуясь отсутствием мужа, сегодня была особенно смела и, как ей самой казалось, обворожительна. Она перекрыла всех своим пронзительным голосом.

– Я слышу! Я слышу, Андрей Венедиктович! Хрю-хрю-хрю! И-и-и-и!

Её визг оборвался на самой высокой ноте, потому что Ольгу Леонидовну вдруг качнуло, она задела своим пышным торсом изящную резную этажерку, которая в свою очередь, зашатавшись, рухнула на блестящий паркет вместе со стоящей на ней терракотовой статуэткой.

– Ольга Леонидовна, вы хрюкаете не просто как поросёнок, а как настоящая свинья.

Елизавета Андреевна произнесла это негромко и с досадой, но в наступившей тишине слова её прозвучали очень явственно для всех. Госпожа Хлызова, сделав невинные глаза, часто-часто заморгала ими, а потом, со всей искренностью, на которую только была способна, произнесла:

– Ах, душечка, вы так хорошо во всём этом разбираетесь! А вот я не отличу поросёнка от телёнка.

Елизавету Андреевну не обманула скрытая ирония этих слов, но она предпочла не замечать её. Молодая красивая жена генерал-майора Беэра и так многим местным дамам казалась излишне прямой, резкой и довольно избалованной особой, но проявлять своё недовольство открыто они боялись, зная острый её язык.

Вот и сейчас Лизочка Беэр, обернувшись, успела перехватить на себе несколько злорадных, потерявших бдительность глаз, которые, однако, тут же поспешно затуманились.

Лекарь Пётр Адольфович Цидеркопф, человек небольшого роста, с плешью и неизменными перчатками на руках, недавно переведённый в Барнаульский госпиталь из Омского Сибирского гарнизонного полка, воспользовался возникшей паузой и постарался блеснуть собственной эрудицией перед начальством и присутствующими дамами.

– Смех, Ваше Превосходительство, есть средство наиболее благоприятное для органов пищеварения, и не только для оных. У Гиппократа есть даже высказывание по этому поводу. –

Тут он сделал паузу, поднял вверх указательный палец правой руки и глубокомысленно закатил глаза ко лбу.

– Вот только не помню, как это у него по-древнегречески, – помолчав, закончил он.

В соседней зале, где танцевала молодёжь, сделали перерыв, чтобы дать отдохнуть музыкантам. Их выписали специально из-за границы, чтобы они своим искусством скрашивали суровый быт горных офицеров.

Вошедший Булгаков услышал слова Цидеркопфа.

– Скажите, господин лекарь, вы намерены смешить всех ваших больных, или только начиная с пятого чина в табели о рангах?

Расшаркивающийся с дамами Пётр Адольфович медленно повернулся к нему:

– Я не понимаю.

– А что тут непонятного? Люди мрут.

Капитан-поручик сознательно шёл на конфликт. И не количество выпитого им коньяка было тому причиной, а глубокое убеждение в том, что каждый человек должен заниматься своим делом, и заниматься им хорошо.

После своего появления здесь, а это уже без малого полтора года тому назад, Цидеркопф только раз провёл инспекцию работных людей, а на Змеиногорский рудник, Шульбинский и Кольванские заводы не выезжал совсем. А между тем, работающие у плавильных печей почти поголовно страдали чесоткой, в крае свирепствовала оспа, но Пётр Адольфович принимать какие-либо меры не спешил.

Леубе, сделав Булгакову «страшные» глаза и, желая перевести разговор в более приятную плоскость, обратился к Беэру:

– А вот, Андрей Венедиктович, ещё один потешный случай...

Но Пётр Адольфович не привык, чтобы в его адрес звучала подобная критика, да ещё так публично, да ещё в присутствии Ольги Леонидовны. Брови его заходили ходуном, губы пропали совершенно.

Выпятив, насколько это было возможным, свой живот и поставив ноги в третью позицию, он заговорил, обращаясь к Беэру, глядя при этом на своего обидчика:

– Ваше Превосходительство, я занимаюсь лечебной практикой больше тридцати лет, и считаю подобное заявление господина Булгакова совершенно безосновательным и даже оскорбительным для себя.

Йозеф Пох, всё ещё не пришедший в себя после сцены с Николаем Ивановичем, и желая ещё больше подлить масла в огонь, захотел быть рядом с Цидеркопфом:

– Вместе с вами, герр Цидеркопф, в вашем лице он оскорбил всех саксонских мясников!

С этими словами он быстро подошёл к стоящему посреди зала Петру Адольфовичу, но в последний момент поскользнулся на зеркальном паркете и упал бы, если бы не успел уцепиться за лекаря. Не ожидавший этого Цидеркопф испуганно дёрнулся:

– Мясники?! Какие ещё мясники? Что за вздор?

К Булгакову подошёл Козьма Дмитриевич Фролов:

– Николай Иванович, ну зачем вы так? Обидели человека.

Козьма Дмитриевич в истории Кольвано-Воскресенских заводов – явление уникальное. У каждого народа есть свои первооткрыватели, люди, которым Бог дал возможность увидеть в привычных для всех вещах основы будущих открытий. Усилиями этих людей самые невозможные проекты становились реальными и служили людям, облегчая их труд.

Современников поражали гигантские размеры водяных колёс для откачивания вод с глубоких горизонтов на Змеиногорском руднике, построенных Козьмой Фроловым. Гидротехнические сооружения его не имели равных в России и за рубежом. Ко всему тому Козьма Дмитриевич был человеком глубоко порядочным, ровным и деликатным в отношениях с другими людьми, но обострённое чувство справедливости очень часто осложняло его жизнь. Был он

неприхотлив в быту, камзол носил, не меняя, с начала царствования Елизаветы Петровны, и всюду появлялся в парике.

Слух о ссоре между Булгаковым и Цидеркопфом быстро разнёсся по всему дому, и в предвкушении интересного зрелища все остальные гости потянулись в центральную залу. В одних дверях даже образовалась небольшая давка. Желавших увидеть всё собственными глазами оказалось слишком много, и теперь некоторые из них стояли, вытягивая шеи, позади счастливых.

Генерал-майор испытывал к Булгакову сложные чувства. Это касалось в основном характера очень уж независимого капитан-поручика, но к этим чувствам примешивалось ещё одно, быть может, самое болезненное, и которое Беэру было особенно неприятно сознавать:

– Господин Булгаков, люди здесь, как вы только что изволили выразиться, мрут, создавая могущество Российской Империи в условиях чрезвычайных. Каждый из присутствующих здесь подвергает жизнь свою опасности в этом диком и необжитом краю, и при этом понимает, что ни одна из жертв не будет напрасной!

Низкий, с хрипотцой голос генерал-майора звучал внушительно и с трудно скрываемым оттенком недовольства. И поэтому, когда он замолчал, было только слышно, как потрескивали свечи в многочисленных канделябрах и шандалах.

И уже более спокойно, стараясь смягчить ситуацию, он закончил:

– Да, к тому же, и не сыскать лекаря, который мог бы от смерти вылечить, ибо избавительная от неё трава не выросла.

– Вот именно. – Елизавета Андреевна встала между Булгаковым и Цидеркопфом. – Господа, перестаньте ссориться. В конце концов, это уже становится скучным.

Она выразительно посмотрела на толпящихся в дверях и добавила:

– Скучным и неприличным.

– Конечно, – раздался звонкий голос, – в гостях нужно не выяснять отношения, а получать удовольствие от общения!

Это была всеобщая любимица, Анечка Леубе, дочь Ивана Гавриловича Леубе. Она подбежала к Булгакову и сердито топнула маленькой ножкой, обутой в розовую атласную туфельку:

– Николай Иванович, немедленно дайте мне вашу руку! – Капитан-поручик беспрекословно подчинился ей. – Пётр Адольфович, идите ко мне! – Цидеркопф нехотя сделал по направлению к ней полшага и остановился, демонстративно заложив руки за спину. – А теперь миритесь. Оба!

Лицо у Анечки разгорелось, в глазах было полно решимости. Ей очень нравилась роль миротворительницы, которую она сейчас на себя взяла, и в тоже время она страшно боялась с ней не справиться.

– Я готов. – Серые глаза Булгакова насмешливо смотрели на своего соперника. – А вы, господин лекарь?

Пётр Адольфович, не удаивая своим взглядом капитан-поручика и стараясь придать голосу большую непреклонность, сказал, глядя при этом на Ольгу Леонидовну:

– В данный момент, фройляйн Анна, я не считаю это возможным.

Ольга Леонидовна украдкой ото всех послала ему воздушный поцелуй.

На глазах у Анечки выступили слёзы. Она почувствовала, что её роль миротворительницы вот-вот с треском провалится, и решила пойти на крайние меры.

– Ах, так! Если вы сейчас же, господин Цидеркопф, не помиритесь, то завтра с утра я заболую, а к вечеру умру! И виноваты будете только вы! Выбирайте!

Цидеркопф продолжал хранить неприступный вид.

Елизавета Андреевна решила помочь своей подруге. Она подошла к Андрею Венедиктовичу и встала рядом с ним:

– Пётр Адольфович, если Аня умрёт, я скажу своему мужу, чтобы он посадил вас на гауптвахту. Несмотря на то, что вы – лицо гражданское!

Беэр хотел что-то сказать, но Елизавета Андреевна быстро зажала ему рукой рот и, довольная собой, мило улыбнулась лекарю.

Тот встревожено посмотрел на генерал-майора и на всякий случай вытащил правую руку из-за спины. Фролов с осуждением покачал головой:

– Анна Ивановна, голубушка, такими вещами шутить нельзя.

Анечка умоляюще посмотрела на него и прошептала:

– А я, Козьма Дмитриевич, вовсе и не шучу.

Вошёл лакей, и Беэр велел, чтобы подавали заливное и холодные закуски, так как гости уже слегка проголодались после первой перемены блюд. И, желая побыстрее закончить уже несколько затянувшееся выяснение отношений, генерал-майор встал:

– Пётр Адольфович, на вашем месте я не стал бы так рисковать её жизнью. Иван Гаврилович, ваша дочь умеет держать своё слово?

Леубе тоже поднялся со стула, вставил в глаз монокль и пристально посмотрел на свою дочь:

– Как правило, да, – сказал он с некоторым удивлением, вынимая монокль.

Цидеркопф и сам уже был не рад своему упрямству, тем более что симпатии общества явно были не на его стороне. Он стал судорожно соображать, как ему выйти из этого положения, но так, чтобы самолюбие его при этом не сильно пострадало.

Помогла ему давняя подружка госпожи Хлызовой, жена чиновника горной канцелярии Нина Петровна Лошкарёва. Сам Пётр Фаддеич Лошкарёв участия во всей этой истории не принимал, так как давно уже сладко подрёмывал в тишине курительной комнаты, выронив из рук кальян.

Нине Петровне, особе пылкой и впечатлительной, вдруг представилась чудовищная картина дуэли между Петром Адольфовичем и Николаем Ивановичем, в результате которой первый был повержен наземь со смертельной раной в груди. А так как лекарь Цидеркопф был единственным на тысячу вёрст вокруг человеком, которому Нина Петровна могла доверить своё женское здоровье, то она с воем кинулась к нему, стремясь уберечь от беды:

– Пётр Адольфович, душечка, не делайте этого! Прошу вас! Ну, не будьте же вы таким кровожадным! Это вам совсем не идёт. Я умоляю вас, помиритесь с Николаем Ивановичем! – Обернувшись к Хлызовой: – Оленька, ну хоть ты повлияй на этого саксонского рыцаря! Ему, видите ли, непременно хочется чьей-то крови!

Сравнение с саксонским рыцарем показалось Цидеркопфу лестным и, главное, очень кстати, так как это давало ему моральное право проявить благородство к сопернику.

Он с болью во взгляде посмотрел на Нину Петровну и, получив в поддержку очередной воздушный поцелуй от Ольги Леонидовны, с видимым усилием протянул руку Булгакову:

– Одно из качеств моей профессии – прощать людям их слабости. Я вас прощаю.

Капитан-поручик подал лекарю свою руку и сказал, глядя тому прямо в глаза:

– Одно из качеств моего характера – прощать людей слабых. Поэтому я вас тоже прощаю.

Цидеркопф сделав вид, что этого не услышал, тут же отдёрнул руку назад, а Анечка захлопала в ладоши:

– Ну, вот и хорошо! И впредь, господа, прошу вас не испытывать великодушия наших милых хозяев.

Лизочка подошла к ней и, приобняв, поцеловала в лоб:

– Дорогая моя, наше терпение, как у ангелов, его на всех хватит. Так ведь, Андрюша?

Она посмотрела на мужа.

– Так, Лизанька, так.

Беэр расправил густые свои усы и, слегка прищурившись, залюбовался Лизочкой. Он смотрел на её волнистые волосы, на её глаза, на лицо, выражение которого так неуловимо менялось, на линию её спины, на её платье, красиво подчёркивающее её фигуру. «А ведь, случись что, не удержу её. Никакими силами не удержу. Бога молю, чтобы не при жизни! Вот помру, тогда и освободится. А ежели раньше влюбится в кого – застрелюсь».

Она почувствовала на себе его взгляд и, обернувшись, улыбнулась ему.

– Андрей Венедиктович! Да что с вами? Ведь пятый раз уже к вам обращаюсь.

Беэр непонимающе посмотрел на стоящего пред ним Леубе, затем усмехнулся.

– Виноват, братец. Вот, на собственную жену засмотрелся, старый дурень. Так о чём, бишь, ты?

– Я говорю, Андрей Венедиктович, а не расписать ли нам ещё один банчок покуда холодец не подали? Вон и Козьма Дмитриевич не против.

Генерал-майор своё согласие дал, и все желающие поспешили к зелёному сукну одного из игорных столов. В соседнем зале вновь заиграла музыка, и прибежавший оттуда лейтенант Франц Рит громко объявил:

– Дамы и господа! Танцы продолжаются!

Это вызвало оживление, и многие из гостей поспешили на звуки музыки.

Молодой, недавно приехавший на Алтай саксонец Франц Рит воспринимал мир легко. Он был из богатой бюргерской семьи, и в Россию приехал не ради денег, а исключительно из любопытства. Собственно, ему было всё равно куда ехать, и с таким же успехом он мог бы отправиться и в колониальную Африку. У него был высокий рост, светлые вьющиеся волосы. Голубые глаза, всегда широко распахнутые, смотрели на людей прямо и слегка восторженно.

Здесь, в Барнауле, он пристрастился к карточной игре и, вдобавок ко всему, со всем пылом своего саксонского сердца влюбился в Анну Леубе. Она, догадываясь об этом, в чувствах своих к нему пока не определилась, но ей доставляло удовольствие пококетничать в его присутствии с другими молодыми офицерами и, наблюдая за ним исподтишка, видеть, как он мучается. Вот и сейчас, увидев, как Франц направляется к ней, Анечка подхватила под руку прапорщика Ивана Владимировича Столова и упорхнула, сделав Риту невинные глаза.

Жена Ивана Владимировича, Вера Николаевна Столова, болезненного вида дама, сидя в кресле, с лёгкой улыбкой на губах наблюдала за происходящим. Вера Николаевна действительно была больна и, судя по всем признакам, это была чахотка. Летом под воздействием сухого смолистого воздуха болезнь отступала, но длинные суровые зимы обостряли её, и болезнь прогрессировала. Франц задумчиво посмотрел вслед Анечке. Рядом с ним за игорным столом начинали постепенно закипать страсти, и лейтенант, с минуту потоптавшись в нерешительности, подсел к игрокам.

Вера Николаевна подошла к открытому окну. Ночной воздух был чист и прохладен. Её роскошные тёмные волосы, забранные в замысловатую причёску, красиво оттеняли бледную кожу лица, но было в этом контрасте что-то безжизненное, может быть потому, что не хватало других красок. Она посмотрела на небо.

«Каждая звёздочка, как чья-то душа. Наверное, когда человек умирает, на небе становится на одну звезду больше. А интересно, какая звезда будет у меня? Может быть, самая маленькая и неяркая».

Она едва успела выхватить из сумочки платочек, как через мгновение всё её тело стало сотрясаться от еле сдерживаемого кашля. Вера Николаевна старалась, чтобы приступы проходили незаметно для окружающих, но в последнее время ей это удавалось делать всё труднее и труднее.

Заметив обращённые к ней взгляды, она попыталась улыбнуться, но улыбка получилась жалкая, а в глубине её глаз стоял ужас от беспомощности и неотвратимости того, что в скором будущем должно было с ней произойти.

Внезапная слабость заставила Веру Николаевну прислониться к стене. Рукой она пыталась найти подоконник, чтобы опереться. К ней подбежал Франц и, поддерживая её, усадил в кресло.

– Спасибо, Франц. – Вера Николаевна откинулась на спинку кресла и медленно поправила свои волосы. – Зачем Вы играете? Ведь Вы почти всегда проигрываете.

Франц смущённо улыбнулся:

– Наверное, потому, что в картах короли всегда бьют дам, хотя в жизни бывает всё наоборот. А я не могу ударить даму даже в картах, вот поэтому всегда проигрываю.

Шурша тяжёлым подолом расшитого золотом платья, в залу быстро вошла Нина Петровна. Следом за ней, еле поспевая, семенил ножками Пётр Фаддеич Лошкарёв. Он был обут в щегольские английские сапожки для верховой езды, а туловище было затянуто в модную куртку, опять же английского кроя. Пётр Фаддеич считал себя англоманом.

– Ниночка, я же ведь не лошадь, – отдувался он, – мне за тобой не угнаться.

Его розовые щёчки и чело ещё хранили на себе остатки девственного сна. Да, собственно, он и сейчас бы пребывал в объятьях Морфея, если бы не разбудил сам себя звуком, вырвавшимся наружу из недр его внушительного чрева и напоминающим отдалённый раскат грома.

В целом он выглядел очень свежим и отдохнувшим. А в такие минуты Петру Фаддеичу хотелось быть рядом со своей Нинетт, говорить ей что-нибудь эдакое и приятное, и изредка целовать при этом кончики её пальчиков. Но жена, не обращая на него ни малейшего внимания, устремилась к Францу:

– Пойдёмте танцевать, Франц. У нас там как раз лишнего не хватает.

Лошкарёв, изловчившись, попытался поцеловать пальчики своей жены, но она отмахнулась от него, как от назойливой мухи.

– Ниночка! – Лошкарёв обиженно засопел.

– Отстань! Идёмте же, Франц! Вы так прелестно танцуете! А то вот это английское подобие мне все ноги отдавило. Двигается, как слон!

– Ниночка!!! Почему же именно, как слон?

– Ну, как бегемот! Франц, там уже мазурку заиграли!

– Да, но... – Рит, глядя на игорный стол, боролся с искушением.

– Ступай, ступай, голубчик. – Беэр махнул рукой в сторону танцзала. – Сидя за этим столом праведником не станешь!

– И то верно, – хохотнул Леубе, тасуя колоду карт. – У кого есть, тому дадим ещё, а у кого нет – и что имеется отнимем. Так, Пётр Фаддеич?

Лошкарёв, почувствовав вдруг сильную изжогу, что-то простонал ему в ответ и, проводив взглядом свою упорхнувшую половину, обречённо стал набирать себе карты.

Булгаков сидел один на диване в малой гостиной. Вся мебель в этой небольшой комнатке была сделана под заказ в мастерской короля французских мебельщиков Андре Шарля Буля. В руках Николай Иванович держал крохотную музыкальную шкатулку, отделанную перламутром и шпоном редких пород деревьев. Елизавета Андреевна была большой любительницей всяких экзотических безделушек, стоивших немалых денег, и заполонивших большинство комнат этого дома. Был первый час ночи, а вчерашний день всё никак не мог закончиться.

Николай Иванович зевнул и приоткрыл крышечку шкатулки. Звуки приятных на слух маленьких колокольчиков разнеслись по всей гостиной. Под незамысловатую мелодию в центре шкатулки кружилась миниатюрная женская фигурка, а такой же крошечный кавалер, без усталости опускаясь на одно колено, предлагал ей букетик цветов.

В течение всего вечера Пох буквально преследовал капитан-поручика. Булгаков чувствовал на спине его взгляд, злой и какой-то подкарауливающий, словно бы выжидающий момента для удара. Поха он не боялся, но от всего этого был неприятный осадок.

Николай Иванович прикрыл глаза и уже через несколько мгновений задремал. Он не слышал, как открылась дверь и как кто-то тихо вошёл. В это время он был далеко. Он видел себя маленьким мальчиком, качающимся на качелях. Чьи-то сильные руки раскачивали его, поднимая всё выше и выше, но он не боялся, наоборот, он кричал: «Ещё! Ещё!» Очнулся Булгаков оттого, что кто-то стоял рядом и смотрел на него.

«Пох! – Не открывая глаз, подумал он. – Сейчас вышвырну его в окно».

Слегка приоткрыв веки, капитан-поручик увидел Елизавету Андреевну. Она стояла перед ним с каким-то странным выражением лица, словно боялась, что её здесь застанут, и в тоже время была полна решимости смотреть на него жадно, не таясь.

– Вы пользуетесь моей беззащитностью.

От неожиданности глаза её слегка расширились. Поняв, что раскрыта, Елизавета Андреевна, от досады слегка прикусив нижнюю губу, как ни в чём не бывало уселась в кресло напротив. «Почему я не замечала раньше, что у него такие глаза? И брови красивые. Дура, уходи отсюда! Ведь обязательно кто-нибудь мужу донесёт, что видели нас одних!»

Елизавета Андреевна, аккуратно расправив складочки на своём платье, с лёгким смущением посмотрела на Булгакова.

– Николай Иванович, Вы меня за весь вечер даже и потанцевать не пригласили. Исправляйтесь немедленно, пока я не передумала. Или вы решили разом испортить со всеми отношения? Так вот со мной у вас этого не выйдет, даже не надейтесь.

Булгаков молча смотрел на неё.

«Сколько ей лет? Двадцать пять, не больше. Очень красива. Такая, если захочет, любого согрешить заставит. А я ведь не монах, чёрт возьми! Очень может быть, что генерал-майор Беэр будет иметь все основания считать меня своим личным врагом... Помимо всего остального».

С тех пор, как их представили друг другу, они впервые остались одни, и Елизавета Андреевна вдруг очень остро почувствовала, что сейчас она способна на такие поступки, которые совсем недавно казались ей верхом неприличия. Ее глаза слегка потемнели, сердце учащённо билось, вздымая грудь.

Булгаков улыбнулся.

– Надо быть просто безумцем, чтобы портить отношения с вами, Елизавета Андреевна.

– Вы совсем не похожи на безумца, – успокоила она его.

Одна из свечей погасла и дымок от ещё тлевшего фитилька, свиваясь в спираль, потянулся кверху. Николай Иванович встал с дивана и подошёл к открытому окну:

– И всё-таки я пойду на это.

– Почему? – Её голос слегка дрогнул.

– Да потому что безумцам многое прощается.

Внезапно Булгаков бросился к ней и, опустившись на колено, схватил её руку:

– Елизавета Андреевна, голубушка! Бросайте вы своего мужа и уезжайте со мной!

В его взгляде было столько искренности и страсти, голос звучал так убедительно, что Лизочка Беэр, поверив и, не владея собой, прошептала еле слышно:

– Куда?

– В Северную Америку! А, впрочем, нет, я передумал. Слишком далеко. Я лучше вам мизинчик поцелую. Вот так.

И капитан-поручик, пряча усмешку в глазах, очень осторожно поцеловал её мизинчик. Почувствовав, что он не воспринимает её всерьёз, Елизавета Андреевна резко встала:

– Перестаньте паясничать! Почему вы не сказали мне, что вас переводят на Змеиногорский рудник? Я попрошу мужа, и вас оставят здесь, на Барнаульском заводе. Если вы, конечно, захотите...

Она говорила, но руку свою при этом у Николая Ивановича не отнимала, а скорее наоборот, старалась подольше задержать свои пальцы в его ладони.

Булгаков пристально посмотрел на неё, словно бы желая убедиться, что всё, что он ей сейчас скажет, останется между ними. И, понизив голос, заговорил.

– На Змеиногорском руднике, Елизавета, Андреевна, добывают золото, а я безумно хочу быть богатым. Вы же знаете, деньги – это власть, это много красивых женщин. – Он перевёл дыхание и, приблизив к ней своё лицо, заговорил ещё тише. – И если я нынче же не разбогатею, то либо сопьюсь, либо кого-нибудь здесь застрелю, либо... – Тут он оглянулся на дверь: – Либо опять поцелую ваш мизинчик. Вот так.

Капитан-поручик потянулся губами к её руке, но Елизавета Андреевна, в очередной раз поверившая тому, что он ей сейчас говорил, обиделась окончательно. Она отдернула свою руку и сказала, чуть не плача:

– С вами невозможно говорить серьёзно.

Приоткрылась дверь и показалась голова Йозефа Поха.

– С мужчинами я очень даже серьёзен, – сказал Булгаков, холодно глядя на него.

Пох, увидев Елизавету Андреевну, вошёл в комнату и теперь стоял, покачиваясь от выпитого шампанского, пытаюсь сообразить, что здесь происходит. Решив, что госпожа Беэр нуждается в его защите, он решительно шагнул к ней и попытался галантно поклониться, но чуть не потерял равновесие:

– Фрау Лиза, если этот человек вас чем-нибудь оскорбил, я готов сию же минуту вызвать его на дуэль.

– Боюсь, что не смогу по достоинству оценить вашу жертву.

С этими словами Елизавета Андреевна подала Булгакову руку, и они вышли, оставив Поха одного.

Лицо его исказили судороги, губы затряслись. Молодой человек изо всех сил пытался сдержаться, но слёзы хлынули из глаз помимо его воли, оставляя тёмные пятна на мундире.

Спустя некоторое время Пох подошёл к двум горящим свечам и, помедлив немного, задул одну. Огонёк оставшейся свечи слабо затрепетал, как в испуге, отчего растревоженные тени заматались по стенам вокруг стоящего посреди комнаты человека.

Пох медленно повернулся и вышел, оставив дверь за собою открытой. Внезапно налетевший неведомо откуда ветерок сквозняком пронёсся из окна в распахнутые двери и, если первый его порыв только пригнул язычок свечи, то второй легко потушил его, впуская ночь в генеральский дом.

Вечеринка в доме генерал-майора Беэра подходила к концу. Было много выпито, много съедено, на десять раз были пересказаны все новости. Некоторые подробности особенно смаковались. Это касалось, в первую очередь, амурных дел и поездок в столицу.

Этот небольшой замкнутый мирок, своеобразная каста людей, в силу обстоятельств оторванных от больших городов Европейской части России, старались жить здесь так, будто вокруг них были не дремучие леса на тысячи вёрст, не дикие народы, до сих пор угрожающие русским поселениям, а Вологодская или Ярославская губерния, и до столицы – не более трёх суток пути.

На втором этаже у Беэра в его рабочем кабинете была собрана очень хорошая по тем временам библиотека. Книги гуманитарного и технического содержания были представлены в ней на восьми языках. Горные и плавильные мастера часто пользовались этой литературой, и Беэр всячески поощрял их в таком «правильном и соразмерном», как он говорил, отношении к своему делу.

Вот и сейчас, собрав у себя в кабинете почти всех мужчин, он с гордостью показывал им только что полученную из Санкт-Петербурга и ещё даже не переплетённую книгу Михайлы Васильевича Ломоносова «Первые основания металлургии и горных дел». Надо было видеть с

какой любовью, с каким трепетом держал давно обрусевший немец в своих руках это, как он выразился, «блестящее проявление русской технической разумности, не уступающее по глубине и охвату предлагаемых здесь тем лучшим европейским работам».

Спустившись вниз к остальным гостям, Андрей Венедиктович предложил всем выпить «на посошок» ещё шампанского. В танцзале, под аккомпанемент измученных музыкантов, всё ещё танцевали. Беэр, поискав глазами свою жену и не найдя её, тяжело опустился в кресло:

– Иоганн, распорядитесь, чтобы сюда подали шампанского.

Христиани, развлекавший Веру Николаевну какой-то забавной историей, извинившись перед ней, встал.

– Шампанское из последней партии, дядюшка?

– Да, – махнул рукой Беэр, – и чтобы не позже сорокового года.

Анечка, в очередной раз ускользнув от Франца, догнала Христиани:

– Можно я с вами? Мне очень хочется самой выбрать для всех шампанского!

Он с сомнением оглядел её хрупкую фигурку.

– Но для этого нам придётся спуститься под землю, в тёмный, холодный погреб, в объятия Вельзевула. Не боишься?

Анечка храбро посмотрела на него:

– Но ведь я же там буду не одна, а с вами!

– Ну, тогда он съест нас обоих, – засмеялся Христиани. – Идём, моя маленькая жертва!

Пох, которого произошедшая в малой гостиной сцена повергла в сильное расстройство, услышав о шампанском, внезапно оживился и, вскочив со стула, на котором он до этого тихо сидел, крикнул громко и с вызовом:

– Шампанского! И чтобы непременно с устрицами!

Решив через несколько секунд, что его слова ни у кого не вызвали должной реакции, он взобрался на стул, чтобы повторить и уже раскрыл было рот, но увидев входящих вместе Елизавету Беэр и Булгакова, молча уставился на них. «Всё ещё вдвоём? Почему она на него так смотрит? Она на него смотрит! Так она должна смотреть на меня! Мой ангел!»

В затуманенном сознании Поха всё происходящее стало вдруг принимать странные и чудовищные формы. Он почти зримо увидел себя замурованным внутри бутылки с шампанским, которую пыталась, брызгая слюной, проглотить огромная рыжая устрица. Чтобы хоть как-то защитить себя, Пох хотел крикнуть:

«Кто-нибудь, разбейте эту проклятую бутылку! Вытащите меня отсюда!» Но вместо этого у него опять получилось:

– Шампанского! И чтобы непременно с устрицами!

Такое поведение Йозефа Поха было странным и непривычным, и все присутствующие с удивлением воззрились на него. Иван Гаврилович искоса и с неудовольствием посмотрел на Поха, и сделал очередной ход картой:

– Йозеф, вы сегодня явно перебрали. Вам больше пить нельзя.

– А с устрицами можно! – упрямылся Пох. «Значит Булгаков! Булгаков!!!», – билась в его сознании мысль, разламывая череп. Он на секунду зажмурился.

– Господа, я выписал из Парижа партию устриц и вчера получил их целый ящик!

Ольга Леонидовна, услышав это в тот самый момент, когда Цидеркопф с упоением говорил, глядя на линии её руки, что жить она должна не меньше, чем Моисей, выдернула у него свою ладонь и громко зааплодировала:

– Bravo, Йозеф! Вы просто расточитель! Это же безумно дорого! Вот как должен вести себя настоящий мужчина, – закончила она, многозначительно посмотрев на Петра Адольфовича.

Пох, вздрогнув от её аплодисментов, казалось, окончательно перестал владеть собой:

– Я привык есть устрицы! У себя дома я каждый день ел устриц! И я хочу пить шампанское с устрицами даже здесь, в Сибири! В этом Барнауле! Потому что одному Богу известно, когда я вернусь домой. И всё потому, что по контракту я, видите ли, обязан обучить плавному делу пять человек из местных. Но ведь русские не способны к этим наукам. Потому что они все свиньи! Свиньи!

Пох с ненавистью кричал всё это, не в силах отвести взгляда от холодных серых глаз, которые с лёгким прищуром презрительно рассматривали его.

Беэр грузно поднялся со стула, чуть не опрокинув стол. При этом карты, лежащие на нём, слетели на пол. Он сделал резкое движение головой в направлении Поха, и несколько мужчин суетливо бросились к разбушевававшемуся саксонцу.

Пётр Фаддеич Лошкарёв, стремясь проявить максимум рвения в делах, угодных начальству, с особой прытью кинулся исполнять приказ. Подбежав к Поху, он с силой дёрнул его за рукав. Тот, чтобы удержаться на стуле, сделал какое-то невообразимое движение рукой, при этом со всего маха попав ею Пётру Фаддеичу прямо в нос. Лошкарёв, получив такой удар, остолбенел, и несколько мгновений изумлённо хлопал глазами, пока кровь из разбитого носа крупными каплями обагряла его шейный платок и английскую курточку.

– Ниночка! – Пётр Фаддеич обрёл, наконец, дар речи. – Ниночка! Это что такое? Почему в нос-то?

Пока Нина Петровна бестолково суетилась вокруг своего мужа, лекарь Цидеркопф ловко всунул Лошкарёву два ватных тампона в обе ноздри и, достав из своего саквояжа маленький розовый флакончик, протянул его Поху:

– Герр Пох, понюхайте. Здесь целебная соль, это вас успокоит.

Франц Рит, подойдя ко всё ещё упирающемуся Поху, что-то тихо сказал ему, после чего тот покорно слез со стула.

Беэр хотел было произвести соответствующее внушение, но, передумав, махнул рукой:

– Франц, отведите его домой. Пусть проспится.

Франц с пониманием кивнул и, взяв под руку Поха, легко улыбнулся ему:

– Идёмте, друг мой. Я провожу вас домой.

Йозеф Пох послушно сделал несколько шагов к дверям, затем резко обернулся. Он нашёл глазами Елизавету Андреевну, вдруг опустился на колени и пополз к ней, повторяя при этом:

– Майне либе... Майне либе...

Вера Николаевна, быстро поднявшись с кресла, подбежала к нему:

– Перестаньте, Йозеф! Что вы делаете? Опомнитесь!

Она попыталась поднять его, но у неё не хватило сил. Тогда Вера Николаевна опустилась рядом с ним на колени и стала гладить его волосы:

– Идите домой, Йозеф. Пощадите себя. Всё изменится. Вы ещё очень молоды, вы найдёте своё счастье. Обязательно найдёте! Ведь жизнь такая долгая...

Она прижала его голову к своей груди и, не в силах справиться с собой, закрыла глаза. По щекам Веры Николаевны текли слёзы.

Пох обхватил её руками:

– Я не могу... Я не хочу идти домой! Все устрицы, все до одной протухли! Меня там вырвет...

Франц осторожно дотронулся до его плеча. Пох поднялся, и они ушли.

Все разом заговорили, обсуждая поведение Поха, при этом Лизочка Беэр почувствовала на себе несколько торжествующих взглядов.

Андрей Венедиктович тоже вопросительно посмотрел на неё, как бы спрашивая, что всё это значит. Елизавета Андреевна, твёрдо глядя на мужа, отрицательно покачала головой.

Ольга Леонидовна очень искусно разыграла лёгкий полубморок и теперь, дожидаясь своей очереди, без сил лежала на маленькой оттоманке, едва помещаясь на ней и наблюдая из-

под опущенных ресниц, как Цидеркопф приводит в чувство Нину Петровну, которую разбитый нос её супруга привёл в бессознательное состояние.

– У Йозефа – элементарный нервный срыв. Переутомление, – озабоченно бормотал Цидеркопф, подсовывая госпоже Лошкарёвой знакомый уже розовый флакончик. – В моей практике был подобный случай, вот только не помню где.

– Господа, не стоит обращать внимания на произошедшее, – сказал Леубе. – Андрей Венедиктович, я думаю, что выражу общее мнение, сказав, что сегодняшняя вечер удался на славу!

Беэр устало кивнул головой и ничего не ответил. «Ну и вечерок, – подумал он. – Дай Бог силы вытерпеть». Он потёр коленку. Ноги уже давно беспокоили его мучительными болями в суставах. «С Лизанькой творится что-то неладное. Раньше-то всем старалась своё внимание уделить, а нынче от Булгакова не отходит. Нехорошо это. И ещё Пох...»

– Андрей Венедиктович, может быть Поха отправить с очередным обозом серебра в Санкт-Петербург? Пусть хоть обстановку сменит. А то он скоро здесь свихнётся...

Слова Леубе постепенно проникали в сознание Беэра, заполняя его и внося некоторое облегчение от нахлынувших мрачных мыслей.

– Ваше Превосходительство! – перед Беэром стоял Фролов. Парик у него был сдвинут несколько набекрень. Это являлось первым свидетельством того, что Козьма Дмитриевич был чем-то сильно расстроен. – Вы знаете, что я всегда с большим уважением относился и отношусь к иностранцам, но поведение господина Поха, его слова задевают честь и достоинство русского человека и оскорбляют мою страну! Я требую, чтобы господин Пох публично извинился!

Был второй час ночи. В танцзале из всего квинтета слышна была одна только скрипка. За окнами судорожно, спросонок прохрипели вторые петухи.

Сегодняшний вечер был богат на разного рода сюрпризы, но этот был, пожалуй, самым неожиданным из всех. Это объяснялось тем, что иностранцы здесь, на Алтае, да и не только здесь, могли позволить себе очень многое и нередко позволяли. Собственных специалистов такого уровня в России было очень мало, и приходилось молча сносить некоторые вещи. И хотя к этому времени положение дел заметно улучшилось, но русские всё ещё продолжали терпеть выходки отдельных господ.

И вот сейчас Козьма Дмитриевич Фролов во всеуслышание потребовал у самого Беэра, чтобы один из иностранцев публично перед ним извинился. Это был очень важный психологический момент, все это понимали и напряжённо ждали, как поведёт себя в этой ситуации Андреас Венедикт Беэр, немецкие корни которого были ещё очень крепки.

Генерал-майор, имевший помимо всех своих достоинств ещё и дипломатические, продемонстрировал их в полной мере.

– Успокойтесь, уважаемый Козьма Дмитриевич. Поверьте, слышать всё это мне тоже было неприятно.

Беэр подошёл к Фролову, но говорил, обращаясь ко всем, чтобы его позиция в этом вопросе была ясна и понятна каждому.

– Я, несмотря на своё немецкое происхождение, считаю себя русским. Русским по духу, так как родился и вырос в России, говорю на русском языке и считаю своей первой задачей укрепление военного и экономического могущества Российской империи.

Он перевёл дыхание и посмотрел на Леубе. Тот зачем-то быстро вставил в глаз монокль, но веко непроизвольно дёрнулось, и монокль упал вниз, повиснув на цепочке.

– Десятки иностранцев честно, не жалея своих сил, знаний и опыта трудятся на Колывано-Воскресенских заводах и рудниках. Без помощи этих людей мы обойтись пока не можем. России нужна медь, нужны золото и серебро. Поэтому, голубчик мой, Козьма Дмитриевич, не обращайтесь вы внимания на Поха. Он оказался слабым человеком, не сумевшим справиться с

собой и обстоятельствами. Давайте не будем устраивать аутодафе и обойдёмся без сатисфакции. Я поговорю с ним, и он извинится перед вами лично. Договорились?

Беэр протянул Фролову свою руку.

К ним с приятной улыбкой заспешил Иван Гаврилович Леубе. Умильное выражение его лица как бы говорило: вот и хорошо! Вот и отлично! И незачем было всё это и начинать.

Козьма Дмитриевич беспомощно обернулся и посмотрел на всех. Вид у него при этом был виноватый. Он словно просил прощения у каждого за то, что не сдержался и позволил себе такую бестактность. Потом он поправил свой парик и подал руку Беэру.

Все облегчённо вздохнули. Эта была пусть маленькая, но победа, восстанавливающая достоинство русского человека.

– Ну, вот и хорошо! – Беэр широко улыбнулся.

Он посмотрел на Лизу. Ему очень важно было именно сейчас увидеть в её глазах восхищение, к которому он так уже привык, или хотя бы какой-нибудь другой знак одобрения. Андрей Венедиктович, несмотря на свой внушительный и грозный вид, как и любой человек, нуждался в жестах, в словах, подтверждающих правильность того, что он делал. Но Лизочка Беэр в этот момент была занята. Она смотрела на капитан-поручика Булгакова, который с лёгкой усмешкой на губах, что-то ей объяснял.

Генерал-майор Беэр за свою долгую жизнь повидал много женских глаз, и мог с уверенностью сказать, что выражает тот или иной взгляд. Внезапно он почувствовал сухость во рту и холодок в области сердца. Сомнений быть не могло. У его жены, Елизаветы Андреевны Беэр, сейчас были особенные глаза. Это были глаза влюблённой женщины.

Спустя некоторое время Беэр пожелал всем доброй ночи и, сославшись на нездоровье, поднялся к себе.

Елизавета Андреевна осталась провожать гостей. Христиани и Анечка Леубе принесли с собой из подвала пять бутылок шампанского, но пить их уже никто не захотел. Все порядочно устали и засобирались по домам.

За Иваном Гавриловичем давно уже приехала его коляска, и кучер молча топтался в прихожей, не решаясь беспокоить господ. Коляска эта была единственной на весь Барнаульский завод, и хозяин её, несмотря на плохие дороги, ездил только в ней. Вот и сейчас, хотя до дома Леубе было не больше пятидесяти метров, коляска, запряжённая двумя лошадьми и освещаемая несколькими факелами, стояла в ожидании перед домом Беэра.

– Пойдёмте-ка и мы, любезный Козьма Дмитриевич, по домам баиньки.

Леубе, облокотившись на своего кучера, что-то поправлял на своей обуви:

– Вон, как распетушились не на шутку. А нам в нашем-то возрасте рекомендуется соблюдать покой. Вот и Пётр Адольфович вам то же самое скажет.

Внезапно кучер Ивана Гавриловича, неловко повернувшись, наступил ему на ногу. Леубе, ни слова не говоря, вырвал у кучера хлыст и, коротко размахнувшись, ударил того по лицу. Кровавая полоса мгновенно поделила лицо несчастного пополам. У Леубе было несколько человек крепостных, купленных им за Уралом, и с ними он не церемонился.

Перехватив возмущённый взгляд Фролова, Леубе, уже не пытаясь казаться любезным, принял холодное и высокомерное выражение лица:

– Что!? Вероятно, я должен был испросить у вас разрешения на это? Так вот, со своими людьми я делаю всё, что захочу! Я, к вашему сведению, заплатил за них свои деньги.

Парик у Козьмы Дмитриевича в очередной раз поехал на бок.

– Вы должны знать, господин Леубе, что крепость на людей здесь, в Сибири, не распространяется! На это был особый царский указ. Здесь они либо свободные, либо принадлежат царской фамилии.

Леубе хотел было что-то возразить, но, не найдя для этого русских слов, выругался по-немецки и хлопнул за собой дверью.

Покачив головой, Козьма Дмитриевич вышел во двор вслед за ним. Вдоль аллеи, ведущей от центральной лестницы дома к улице, догорали масляные лампы.

После суеты генеральского дома здесь было тихо и спокойно. Воздух, вобравший в себя ароматы смол, источаемых вековыми соснами, запахи полевых трав и дыхание великой сибирской реки, свободно проникал в лёгкие и наполнял их какой-то особой живительной силой. Природа всегда действовала на Козьму Дмитриевича умиротворяющее, но с самого детства он по-особенному любил ту её часть, которая была связана с прудами, озёрами и реками.

Воду маленький Козя просто обожал. Летом он мог часами не вылезать из реки, пока кто-нибудь из взрослых буквально хворостиной не выгонял его из воды, позеленевшего от холода, выбивающего зубами мелкую дробь, но счастливого до невозможности.

В имении его деда была большая старая водяная мельница. Это довольно редкое для тех мест сооружение с огромным колесом, крутящимся под напором падающей воды и поднимающим в воздух радужным семицветьем мириады брызг, действовало на него завораживающе. Гигантская масса воды, послушная человеческой воле и способная работать без устали дни и ночи поражала воображение мальчика. Когда он наблюдал за слаженной работой всех частей этого могучего механизма, легко приводимого в движение водой, то спрашивал себя: а что же ещё может сделать для человека простая вода?

– Я, господа, имею столь цветущий вид и такую крепкую память исключительно благодаря режиму и пилюлям собственного приготовления.

Вспотевшая лысина лекаря Цидеркопфа в полной своей красе явила себя миру. Следом за ним из дома вышли Вера Николаевна с мужем, Анечка, Христиани, Ольга Леонидовна и прочие гости. Последними появились Пётр Фаддеич с супругой.

Несмотря на свой распухший нос, Лошкарёв держался осанисто и даже несколько надменно, что было ему совсем не свойственно. А всё потому, что он решил, будто его пострадавший нос – это полученная им боевая рана при исполнении приказа начальства. Поэтому Пётр Фаддеич то и дело ощупывал его, как бы проверяя, на месте ли ещё это доказательство его служебного рвения и исполнительности.

Нина Петровна, держа мужа под руку, молча страдала. С одной стороны – этот дурацкий нос, выставивший её идиота в самом нелепом виде, а с другой – все её знаки внимания красавчику Францу Риту, довольно откровенные и многообещающие, не возымели на него никакого действия. И что самое обидное, по глазам Ольги Леонидовны, её закадычной подруженьки, было видно, что та получает удовольствие от её неудачи.

Вера Николаевна вдруг остановилась на дорожке, сомкнула руки за головой, подняла голову вверх и закружилась:

– Господи! Как хорошо-то! Отчего же это век человеческий такой короткий? Жить бы, жить бы да радоваться! Любоваться вот на такую красоту!

– За грехи Господь человека наказал, за грехи, – сладко пропела Ольга Леонидовна, со значением глядя на Лошкарёву.

Вера Николаевна остановилась, повернулась к мужу, а глаза её как будто неземной свет излучают:

– Ванечка! А ведь скоро Спас яблочный! Преображение Господне! Ты не забыл?

– Только яблок здесь нет, Верушка. Немудрено забыть.

Иван Владимирович оглянулся на остальных, ища поддержки. Но все молчали. Ответил только Цидеркопф:

– Яблоки здесь расти не будут. Сибирь! Слишком холодно.

При этом он посмотрел на свои руки, затянутые в тонкие перчатки, и, словно бы согревая, несколько раз крепко сжал их.

– Нет! Я чувствую, они вырастут! Надо только попробовать, хотя бы попытаться высадить их здесь! Или антоновку, или белый налив. А, Ванечка? Давай привезём сюда саженцы! Я

из Владимира возьму. У нас они хорошие, яблоки-то. А ты своих, курских, прихватишь и, глядишь, примутся на новом месте.

Вера Николаевна в своём длинном белом платье была похожа на заблудившегося ангела. Лицо её, измученное тяжёлой болезнью, чудесным образом преобразилось. Впервые за долгое время оно прояснилось и наполнилось какой-то тихой радостью. А в глазах, когда она смотрела на мужа, столько было мольбы, словно от того, вырастут здесь яблоки или нет, зависела её жизнь.

– Да отчего же, милая, не попробовать, – неуверенно проговорил Столов. – Очень даже можно и попробовать.

Внезапно очередной приступ удушливого кашля буквально согнул Веру Николаевну пополам. Едва справляясь с ним, она, не оборачиваясь, помахала всем рукой и торопливо, белым призраком, исчезла за кустами сирени. Иван Владимирович бросился было за ней, но остановился, и как-то суетливо и беспомощно затоптался на одном месте:

– Верочка! Я сейчас! Сейчас догоню тебя! Анечка, голубушка, проводите её, пожалуйста, домой. Не считите за труд. А я чуть позже... чуть позже.

Анечка, кивнув головой, тотчас же пошла догонять Веру Николаевну.

Сочувственно похлопав Столова по плечу, ушёл Христиани. Следом за ним ушли и другие. Остались ещё Ольга Леонидовна и Цидеркопф, который не отходил от неё ни на шаг. Но та, внезапно увидев в конце аллейки чью-то согнувшуюся тень, несмотря на слабый свет масляных ламп, узнала своего мужа-ревнивца и категорически запретила Петру Адольфовичу провожать себя. Более того, страшным шёпотом велела ему стоять и не двигаться пока она не уйдёт.

Лекарь с разочарованным видом проводил её взглядом, и вот тут к нему быстро подошёл Иван Владимирович. Он крепко ухватил его за руку, и заговорил порывисто, едва сдерживая слёзы:

– Пётр Адольфович, извините меня, что я так... Но поймите меня правильно, дорогой Пётр Адольфович, я не могу об этом при всех... Я не о себе... Вижу, как она страдает, как мучается, и сделать-то ничего не могу! Это ведь так страшно – видеть, как умирает родной человек, и не знать, как помочь... В растерянности полной! Умоляю вас, Петр Адольфович, Верочкин кашель... Скажите мне честно, вы сможете её вылечить? – он уже почти кричал Цидеркопфу. – Вы её вылечить сможете!?

Цидеркопф слушал всё это спокойно и невозмутимо. Его лицо приняло профессионально медицинское выражение, то есть было абсолютно бесстрастным, и понять, сочувствует он чужому горю или оно его совсем не трогает, было практически невозможно.

Внезапно Пётр Адольфович достал из кармана своего сюртука какой-то пузырёк:

– Погодите, да у вас у самого склеры глаз жёлтые! Это печень, голубчик. Хотите пилюлю?
– Что!?

Столов оторопело уставился на Цидеркопфа.

– Какая печень? Вы хоть понимаете, о чём я говорю? Я вам про жену свою говорю, а вы мне про какую-то печень талдычите!

Лицо Ивана Владимировича исказилось до неузнаваемости, он весь затрясся, как в припадке падучей, и от этого его вида Цидеркопф непроизвольно попятился.

– Подите вы к чёрту!

Столов хотел ещё что-то добавить, но, лишь яростно махнув рукой, быстро ушёл.

Пётр Адольфович, достав платок, аккуратно промокнул им слегка вспотевшую плешь и, пожав плечами, сунул себе в рот маленькую желтоватую пилюлю. После чего он, приподняв ногу и с наслаждением испортив воздух, удалился с полным чувством собственного достоинства.

Разноголосый хор сверчков, не замолкавший с самого вечера, внезапно стал ослабевать. Откуда-то подул сначала лёгкий, а затем всё более набирающий силу ветер. Далеко за Обью,

гигантскими фейерверками пробежали по самому краю неба сполохи зарниц. В воздухе нарастало едва уловимое напряжение, и не было силы, способной противостоять этим движениям природы.

Входная дверь открылась, и из дома вышли Николай Иванович Булгаков и Елизавета Андреевна Беэр.

– Спасибо, что разбудили меня. Если бы не вы, я провёл бы в курительной комнате всю ночь. Кстати, как вы догадались...

Не договорив, капитан-поручик неожиданно зевнул прямо ей в лицо, даже не пытаясь этого скрыть.

– Как вы догадались, что я там? – договорил он. – Простите, непроизвольно получилось...

Но на лице его не было ни капли смущения, наоборот, он пристально смотрел на Елизавету Андреевну, словно бы проверяя, что ещё он может позволить себе в её присутствии.

«Нахал! Господи, какая же я всё-таки дура!»

Елизавета Андреевна смотрела на него, слегка покусывая нижнюю губу, и молчала. Затем, усмехнувшись чему-то, отвернулась:

– Боже, как я скучаю по столице. Театры, Невский, Петергоф...

Она стала медленно спускаться по ступенькам.

Елизавета Андреевна, как и любая женщина, знала себе цену. Ее нерожавшее тело сохраняло всю статью и прелесть девической фигуры. Густые, с медным отливом волосы могли стать предметом особой гордости для любой, даже самой притязательной особы. Зная, что Булгаков на неё смотрит, она выдернула из своих волос золотую, в виде скарабея, заколку, и они, освободившись, обрушились тяжёлой волной на её плечи. Их тут же подхватил и разметал ветер.

Булгаков подавил очередной зевок:

– Я слышал, Андрей Венедиктович скоро едет в Санкт-Петербург. Езжайте с ним. «Флиртовать с ней – чистое безумие для меня. Неужели сама не понимает? Пора домой».

Николай Иванович, спустившись с лестницы, хотел было уже попрощаться и уйти, но, сам не зная почему, этого не сделал, а наоборот, подошёл к Елизавете Андреевне так близко, что почувствовал запах её волос. Он стоял и смотрел на неё: на тонкий изящный профиль, на густые ресницы, скрывающие тайну её глаз, на губы, влажные и слегка приоткрытые. «Чёрт знает, что такое со мною делается».

Елизавета Андреевна, словно прочитав его мысли, медленно повернулась к нему. В выражении её лица появилась какая-то отчаянная решимость, словно она приняла для себя очень важное решение:

– Да, муж собирается ехать на приём к Императрице. Хочет получить разрешение на строительство монетного двора в этом, как его... – она вдруг рассмеялась. – Никак не могу запомнить эти местные названия. Не то Кузун, не то Тузун... Вам лучше знать, господин Булгаков.

Елизавета Андреевна улыбалась, а глаза смотрели на него очень серьёзно, и была в них такая бездонная глубина, сгинуть в которой было так же легко, как оступить на самом краю пропасти. Они глядели друг на друга молча и выжидательно.

«Если он сейчас меня поцелует, я разрыдаюсь от счастья, как девчонка».

«Боже, какие у неё глаза! Смотрел бы на них до самой смерти! Домой! Немедля домой!»

Не отдавая отчёта в том, что делает, молодая женщина, припустив ресницы, потянулась губами к его лицу. Но тут ветер, уловив момент, внезапно бросил охапку её волос прямо в глаза Николаю Ивановичу. Тот вздрогнул от этого и словно бы очнулся, вышел из оцепенения, из повиновения этой неподдающейся объяснению странной силе.

– Это место называется Сузун.

Он говорил излишне громко, отвернувшись и стараясь не глядеть на неё. Елизавета Андреевна, интуитивно почувствовав его замешательство, взяла его ладонь и крепко сжала.

– Да, Сузун. Вы тоже об этом знаете?

Наваждение не прошло, хотя Булгаков и старался смотреть на неё как обычно: спокойно и чуть насмешливо.

– Мне ли не знать. Это была моя идея. Посудите сами, какой смысл, выплавлять медь здесь, на Алтае, потом везти её за тридевять земель в Санкт-Петербург, чеканить там из неё монету, и затем везти её обратно. А монетный двор, построенный здесь, обеспечит всю Сибирь, притом в кратчайшие сроки. Когда я сказал об этом Христиани, тот сначала посмеялся, но уже через день выдал вашему мужу эту идею как свою.

Николай Иванович говорил всё это и видел перед собой её лицо, нежные губы, пряди волос, падающие на глаза и лоб, чувствовал её маленькую горячую ладонь и слышал, слышал удары своего сердца.

Лизочка Беэр крепко держала его руку, а у него не было ни желания, ни сил отнять у неё свою ладонь. Ему было хорошо. Елизавета Андреевна сумела всё это прочитать в его лице, потому что веки её, дрогнув, на какое-то мгновение расширились, сомкнулись, а когда распахнулись вновь, то в глазах у неё, расплёскиваясь, билось счастье. И она заговорила быстро, словно боялась, что ей кто-то помешает, что она не сумеет удержать в нём это чувство, если они будут далеко.

– Почему вы хотите уехать из Барнаула на этот рудник? Зачем? Конечно, здесь не Тобольск, и даже не Омск. Здесь вам скучно, нет никаких развлечений, но всё изменится. Здесь собраны лучшие горные офицеры со всей страны, мы находимся под покровительством Двора и служить здесь престижно. Я нисколько не сомневаюсь, что Барнаул со временем займёт достойное место в Сибири. И потом, – Булгаков почувствовал, как дрогнула её рука, – если вы уедете, мне вас будет здесь очень не хватать.

Елизавета Андреевна пыталась удержать на себе его взгляд, но капитан-поручик почему-то смотрел куда-то позади нее. Там, на втором этаже дома, в раскрытом окне, вдруг на какое-то мгновение показалась крупная голова с гривой седых волос. В следующую секунду она исчезла и, можно было бы подумать, что это обман зрения, галлюцинация, но Булгаков точно знал, что видел в тот момент Андрея Венедиктовича Беэра.

Николай Иванович перевёл взгляд на Елизавету Андреевну:

– Я, пожалуй, пойду. Уже поздно.

Её рука жгла его ладонь. Он ещё раз посмотрел на окно второго этажа. Оно зияло чёрным проломом в стене, но в глубине, и Булгаков готов был поклясться в этом, кто-то стоял, прячась за тяжёлой портьерой.

– Да подождите вы! Ну, неужели вы ничего не чувствуете?

– Чувствую... Становится прохладнее... Простите меня.

Булгаков ушёл, а она всё стояла и смотрела ему вслед.

– Барыня, вас Андрей Венедиктович зовут.

У Насти была привычка подходить тихо, и в самый неожиданный момент. Ей часто влетало за это от господ, но сейчас Елизавета Андреевна, хоть и вздрогнула, но ругаться не стала.

Она посмотрела отсутствующим взглядом на заспанное лицо девушки, затем подошла к скамеечке и села на неё.

– Не могу я сейчас к нему пойти. Не могу... Ещё обижу чем-нибудь, сама того не желая.

Небо постепенно затягивали тучи. Они напозлали на звёзды и гасили их, всё ближе подбираясь к луне. С высоты, вырвавшись из материнских объятий, прилетела первая капля. Она была крупной, и упала Насте прямо на плечо. Та засмеялась и, радостно подпрыгивая, подняла лицо к небу, выставив вперёд обе ладони. Елизавета Андреевна невольно улыбнулась, глядя на неё. «Вот человек! Радуетя всему, как щенок малый. А может, так и надо жить?»

– Ой, как Волга-матушка, да вспять бы побежала. Кабы можно, братцы, начать жизнь сначала...

Елизавета Андреевна пела низким, грудным голосом. Пела красиво, с большим чувством, прикрыв глаза и слегка покачиваясь. Простые слова этой песни, переплетаясь с напевной мелодией, казалось, шли из самой глубины души и, отзвучав, не исчезали, а поднимались в самую высь поднебесную.

– ...Ой, кабы весною цветы расцветали. Кабы мы любили, да не разлюблили...

Петь Елизавета Андреевна научилась у своей бабки, Лидии Алексеевны Арсентьевой. У той было большое имение под Саратовом, богатое и привольное. Заправляла всем сама хозяйка, предоставив мужу, коллежскому асессору, всю жизнь прослужившему в Саратовской городской управе, полную свободу. А петь любили оба. Бывало, в конце длинного летнего дня соберёт Лидия Алексеевна у себя в усадьбе всех дворовых девок, да как начнут они выводить голосами да подголосками всякие кружева с приплётами, так со всей округи соседи сбегаются красоту такую послушать.

Смолк голос, растворились последние звуки в ночной тишине, скрипнула дверь где-то в глубине дома. Настя слушала, как зачарованная. Сама не заметила, как присела рядом с барыней на скамеечку, а потом мечтательно, с лёгкой грустью сказала:

– Как это у вас красиво получается, душевно. Я, если б могла, как вы, тоже бы ему так спела.

Елизавета Андреевна с интересом посмотрела на неё:

– Кому ему?

Та, сразу же спохватившись, вскочила:

– Ой, не спрашивайте, а то проговорюсь ещё ненароком! Стыдно мне!

Но сохранить свою тайну Настеньке не удалось. Женская природа любопытна, а в делах сердечных – и подавно, поэтому Елизавета Андреевна крепко ухватила её за руку и насильно усадила рядом с собой с твёрдым намерением выведать, кто же смутил Настино сердечко.

– Нет уж говори, раз начала! Теперь не отстану! Кому ему? Сознавайся!

Девушка, видя, что уйти от ответа на удасться, умоляюще посмотрела на неё:

– Не пытайте меня, барыня, а то от стыда сгорю!

– От этого не сгорают, – не отступала от неё Елизавета Андреевна. – Говори немедленно, кто он!

Настенька, жалобно взглянув на неё, отвернулась, лицо руками закрыла, плачет, а не сдаётся.

– Он мне, барыня, никому не велел говорить об этом. Я обещала-а!

Елизавета Андреевна, видя, что в лоб её не возьмёшь, решила пойти на хитрость. Она обняла Настю за плечи:

– Ну, как знаешь. Твоя воля. Хотела я тебя петь научить, да раз ты такая упрямая, не буду.

Девушка, всхлипнув ещё два раза, примолкла. Затем, между раздвинутых пальцев показался глазок, внимательно изучающий хозяйку.

Видимо, борьба, которая происходила у неё внутри, была нелёгкой, так как, примерно через полминуты, Настя, не отнимая рук от своего лица, тихо спросила:

– А если скажу, правда петь научите?

Елизавета Андреевна отвернулась от неё, пряча улыбку и, чтобы не спугнуть, постаралась ответить очень искренно, что было совсем нетрудно сделать, так как она уже давно хотела научить петь свою горничную.

– Правда.

Настя быстро вытерла слёзы передником, а затем, глядя на Елизавету Андреевну чистыми глазами, поведала ей доверительным голосом свою заветную тайну.

– Он сказал, что завтра же с утра и увезёт меня туда на лошадях. – И для большей убедительности, повторила. – Так и сказал.

Она вдруг тихонько засмеялась, глядя перед собой, а потом опять зашмыгала носом.

– Куда увезёт-то, глупая?

А у Насти снова слёзы в три ручья.

– Ой, боюсь! В эту, как её?.. В Америку... В Северную. А это не очень далеко?

Услышав это, Елизавета Андреевна, усмехнувшись, покачала головой. Ей самой нынче, не далее, чем час назад, предлагали уехать в эту самую Северную Америку.

– А это не очень далеко? – переспросила Настя, высморкавшись в передник.

– Очень. Но только никуда он тебя не повезёт, ни завтра, ни послезавтра.

Елизавета Андреевна устало поднялась со скамеечки и, вытянув вверх руки, потянулась сладко, до хруста.

– И вообще, выбрось ты всё это из головы. И его выброси.

Настя недоверчиво уставилась на барыню:

– А вы почём знаете, что не повезёт?

– Он коньяка-то, сколько стаканов выпил?

Девушка, с недоумением глядя на Елизавету Андреевну, встала:

– Кто? Николай Иваныч?

Потом, слегка наклонив голову набок, она стала что-то подсчитывать в уме, загибая на руке пальцы. Остановилась на трёх.

– Три стакана.

– Ну вот. – Елизавета Андреевна старалась говорить серьёзно. – А с похмелья, милая, в Америку не ездят.

Затем, видя растерянное лицо девушки, она вдруг рассмеялась и, схватив её за руки, закружилась с ней:

– Да и забудет он про тебя, твой Николай Иваныч, завтра же и забудет. А петь я тебя всё равно научу. Пошли спать.

Прокричали третьи петухи. Собиравшийся было дождь прошёл стороной. На Петропавловской линии вновь появились караульные Анисим Чуркин и Еремей Кабаков.

Анисим, опасливо глядя на дом Беэра, остановился, не доходя до него метров пятидесяти.

– Никак господа угомонились. Тихо стало.

Еремей скрутил толстую самокрутку, прикурил от огнива, зло сплюнул:

– Вот жизнь! Им всё, а нам только кулак в рыло.

Анисим согласно кивнул. Прикоснувшись к своему избитому лицу, сморщился от боли:

– Я давеча ещё легко отделался! Этот Пох к Федьке Рябову из второй роты так приложился, что тот уже неделю в лазарете лежит. Зверюга!

Солдаты, замолчав, торопливо прошли мимо генеральского дома, стараясь идти как можно тише. Анисим краем глаза успел заметить огонёк свечи в раскрытом окне второго этажа. Пройдя дом, Еремей вдруг схватил товарища за руку и зашептал ему на ухо жарко, зло, давясь словами:

– Сбегу я отсюда, Анисим! Сил нету терпеть. К старообрядцам пойду, дальше в горы, к Чарышу. Там не сыщут!

– Сыщут. Зараз в кандалах обратно и приведут. И на рудник. А там сто раз пожалеешь, что на свет родился. Так-то, брат Еремей.

И столько было безнадёжности в этих словах, что поник головой Еремей, лишь затравленно оглянулся вокруг.

– Мне унтер говорил, нынче Беэр в Тобольск едет, партию беглых встречать, – продолжал Анисим. – Из Тюмени, Ялуторовска ведут кандалников, и прямиком на рудники. Тоже, наверное, вроде тебя к старообрядцам уйти хотели. Семьдесят два человека.

Еремей, сдёрнув свою шапку, перекрестился на купола начинающего выступать из пред-
рассветной мглы Петропавловского собора:

– Сюда по своей воле никто не пойдёт, разве что в кандалах. Только перемрут они по дороге. Дай-то Бог, чтобы хоть половина сюда добралась.

Солдаты, перекрестившись ещё раз на кресты куполов, развернулись и, перейдя на другую сторону улицы, пошагали обратно, в сторону плавильной фабрики. До первого удара колокола, возвещавшего о начале нового дня, оставался один час.

Глава 3. В Канцелярии Колывано- Воскресенских заводов

Солнце, поднявшись уже довольно высоко, по-хозяйски расположилось над землёй, оттеснив в сторону еле заметный на голубом небе бледный серпик луны. Удивительной красоты места золотило оно своим сиянием и щедро одаривало теплом последних летних дней.

Когда демидовские первопроходцы выбирали место под строительство Барнаульского завода, то, наверное, не последнюю роль в их решении сыграла необычайная притягательность здешней природы. Прямо против этого места могучая Обь делает плавный изгиб и, словно любуясь горделиво взметнувшимся на десятки метров левым берегом, слегка замедляет свой ход.

Правому берегу, низкому и пологому, в отличие от своего брата, нечем было удерживать колоссальную мощь своей хозяйки, и в паводок разливалась Обь широко и привольно, затопляя заливные луга на многие вёрсты, давая приют бесчисленным стаям водоплавающих птиц. Рыбы и живности всякой водилось в этих местах в количествах, не поддающихся исчислению.

Речка Барнаулка, давшая название заводу и городу, заботливо укрытая высоким шатром из разросшихся по её берегам деревьев, прихотливо извиваясь, вливалась в сверкающую солнечными бликами зеркальную гладь заводского пруда. Песчаные берега его, поросшие высокой травой и кустарником, вытянулись более чем на версту. По вечерам поверхность пруда оживала. Хищная рыба выходила на охоту, и мелкие рыбёшки, спасаясь от преследования, выпрыгивали из воды, отчаянно трепеща в воздухе плавниками. Крупные раки, продираясь сквозь прибрежные водоросли, выползали на песчаные отмели и, тарача бисеринки глаз, лениво шевелили огромными усами.

Восточной своей стороной пруд упирался в заводскую плотину. По обе стороны её возвышались сторожевые деревянные башенки с шатровыми крышами. Башенки эти, свежетёсанные из вековых сосен, светлели на солнце боками и наполняли воздух вокруг себя терпким запахом янтарной смолы, обильно сочащейся из самой сердцевины брёвен. Из-под шатровых крыш настороженно выглядывали две тупорылые пушки, готовые в любой момент изрыгнуть из себя с грохотом, дымом и пламенем раскалённые шары ядер.

На Петропавловской линии, недалеко от дома генерал-майора Беэра, находилось здание заводской Канцелярии. Это красивое каменное двухэтажное здание с башенкой и большим количеством окон по фасаду отдалённо напоминало Кунсткамеру.

Канцелярия, аккуратно выкрашенная охрой, содержалась в образцовом порядке. Андрей Венедиктович специально следил за тем, чтобы присутственные места были для посетителей «не только полезны, но и внешним видом приятны».

Секретарь заводской Канцелярии Василий Степанович Щербаков, дописав последнюю циферку, аккуратно положил перо в небольшой продолговатый футляр, который он сам же собственноручно и сделал для этой цели. На его массивном рабочем столе уже стоял тяжёлый серебряный прибор для канцелярских принадлежностей, но там перо надо было засовывать в пасть какому-то пузатому и козлоногому существу, что суеверный Василий Степанович позволить себе никак не мог.

Откинувшись на спинку стула, он с наслаждением потянулся. Работа секретаря требовала невероятной усидчивости, превосходной памяти и быстрой сообразительности, чем в полной мере и обладал Его благородие господин титулярный советник Василий Степанович Щербаков. Был он человеком ниже среднего роста, но с невероятно широкой грудной клеткой. Эта особенность его строения вместе с разбойным выражением бородатого лица, придавала ему

вид чрезвычайно страхолюдный. Но стоило ему только открыть рот и заговорить, как впечатление это тут же исчезало.

Голос у Василия Степановича, совсем не соответствовавший его внешности, был тонкий, скорее бабий, и впервые пришедшие на приём и перепуганные его видом посетители быстро успокаивались.

На душе у секретаря сегодня было радостно и светло. А всё потому, что его старшая и любимая дочь Маланья, похожая на него и уже давно засидевшаяся в девках, венчается нынче на Рождество Богородицы с Гришкой Палицыным, без пяти минут плавильным мастером. Всё это радовало отцовское сердце и сулило в скором будущем приятные хлопоты.

Василий Степанович встал из-за стола, с удовольствием прошёлся по комнате. Щеголеватые юфтевые сапоги, собранные в мягкую гармошку, приятно охватывали ноги. Эти сапоги подарил ему будущий зять в день сватовства. Было ещё много всяких подарков, да и на деньги будущие родственники не поскупились.

Василий Степанович подошёл к окну. В сторону плавильной фабрики, поднимая тучи пыли, проехали три телеги, груженные древесным углём. Следом показалась колонна каторжных. Их бородатые, серые от грязи и пыли лица, зияли дырами пересушенных ртов. Конвоиры, чувствуя скорую смену, нетерпеливо гарцевали на лошадях, криками подгоняя измученных дальней дорогой людей. Но те, опустив головы и, словно вслушиваясь в однообразную песню кандалов, продолжали размеренный свой ход, не обращая на солдат никакого внимания.

Проводив кандалников взглядом и отметив про себя, что даже при самом лучшем раскладе до Алтая добирается только половина из всех осуждённых на каторжные работы, Василий Степанович вернулся за свой стол. Большие напольные часы, заскрежетав механизмом, усердно отсчитали двенадцать ударов.

Дождавшись, когда рокочущий отзвук последнего сойдёт на нет, Щербаков ловко выудил из нескольких десятков бумаг, лежащих перед ним, небольшой листок и занялся его изучением.

– Прохор! – позвал он, не поднимая головы. – Выдь сюда, Прохор!

Быстро открылась незаметная в стене дверь, и в приёмную резво вошёл Прохор Шнурков, писарь и помощник секретаря. Лет ему было около сорока, но Прошка всем говорил, что ему двадцать восемь, всячески молодился, покупал у Цидеркопфа какие-то растворы от облысения и пилюли для бессмертия. Был он худ, мал, волосы имел жидкие и неопределённого цвета, к тому же сильно косил на левый глаз.

Василий Степанович мог бы взять на эту должность и кого-нибудь другого, но Шнурков тоже был из Рязани, и Щербаков посчитал своим долгом пристроить земляка. Надо отдать Прошке справедливость: исполнительностью он обладал исключительной! Дважды что-либо повторять ему было не нужно.

Было у Шнуркова одно затаённое желание, и на него возлагал писарь свои самые смелые надежды. Видя, как переживает Щербаков за судьбу своей старшей дочери, решил Прошка соблазнить её, умыкнуть без родительского благословения, а потом броситься с повинной в ноги к её отцу, после жениться на ней, а там глядишь! Дух захватывало у писаря от этой перспективы. А там, глядишь, и место секретарское под него вызреет!

И ведь уже начала было осуществляться задумка Прошкина. Маланья при встречах с ним стала как-то по-особенному багроветь лицом и стыдливо опускать бараний свой взор, не выдерживая пристального взгляда смотрящих в разные стороны Прошкиных глаз.

Уже как-то раз, встретившись у пруда, ухватил он потную её руку и долго с остервенением мям, молча и не в силах перебороть наваждение, что перед ним и не девка вовсе, а отец её, Василий Степанович Щербаков, только в юбке. И вот теперь всё это в одночасье рухнуло из-за того, что эта дура решила осчастливить собою Гришку Палицына.

Но было у Прохора Шнуркова в запасе ещё кое-что, и это кое-что заставляло его ещё ниже опускаться перед Щербаковым свою голову, чтобы не выдать себя неосторожным взглядом.

– Чего мешкаешь, оглох, что ли? – напустил на себя строгость Щербаков. – Не слышишь, зову?

– Пёрышки затачивал, Василь Степаныч, вот и задержался, – подобострастно выгнулся Шнурков. – А то писать нечем-с.

И для большей убедительности он показал маленький перочинный нож.

– Пёрышки... Отметь там у себя. – Щербаков стал читать, отставив листок от глаз на расстояние вытянутой руки:

– Значит, так... В этом году на Алтай направлены из Орловской, Тверской, Курской губерний посадских сто девять человек, четыреста сорок шесть цеховых и шесть разночинцев. Все приписаны к Колывано-Воскресенским заводам. Запомнил?

– ...Четыреста сорок шесть цеховых и шесть разночинцев. Запомнил, Василь Степаныч, – отбарабанил Прошка, не моргнув глазом. – Что-нибудь ещё изволите сказать?

– Что сказать? – переспросил секретарь, хотя всё прекрасно слышал.

Василию Степановичу нравилось ставить людей в тупик неожиданным вопросом, при этом смотреть грозно и супить брови.

Прошка, зная эту его особенность, всегда охотно подыгрывал – начинал испуганно моргать глазами, суетиться руками и лицом, но сегодня почему-то ему этого делать не хотелось.

– Я говорю, что-нибудь ещё сказать изволите?

– Нет.

– Можно идти?

Прошка устался на красный камзол секретаря. У того с левой стороны груди, прямо против сердца, расплылось большое жирное пятно. Давеча Василий Степанович с удовольствием откусал блинцов со сметанкой, так вот один из них, будь он неладен, выскользнул из пальцев и опустился прямо на камзол.

Щербаков, перехватив Прошкин взгляд, внезапно испытал неприятное чувство. Что-то было в этом взгляде новое, какая-то едва уловимая угроза, опасность. И это было так неожиданно, что Василий Степанович, сам того не желая, отвёл глаза в сторону.

– Иди! Иди, работай! Нечего тут стоять, zenки свои на меня пялить!

Когда за писарем бесшумно закрылась дверь, Щербаков задумался. «А землячок-то не так прост, как прикидывается. Надо бы поосторожнее с ним. Как бы чего не пронюхал».

Внизу стукнула входная дверь, и по железной широкой лестнице загремели, усиленные подковами, чьи-то шаги. Поднявшись на второй этаж, они замерли перед приёмной.

Щербаков прислушался. За дверями раздавались какая-то возня и приглушённые голоса. После того, как Василий Степанович услышал крепкое ругательство, звук от удара и последовавший за этим чей-то стон, он быстро подошёл к дверям и широко распахнул их.

В коридоре солдаты Анисим Чуркин и Еремей Кабаков, ругаясь сквозь зубы, безуспешно пытались удержать здорового мужика. Одет он был в зипун, грубые сапоги, правая рука была перевязана каким-то тряпьем. Увидев секретаря, все трое замерли, и молча усталились на него.

– Что тут у вас? Зачем сюда? С рукой не ко мне, а в лазарет к Цидеркопфу пусть идёт.

Анисим, ткнув мужика кулаком в спину, вытащил из кармана мундира какую-то бумагу.

– Велено вам передать, ваше благородие, от коменданта.

Ещё раз окинув взглядом всех троих, Щербаков взял бумагу.

– Так... Тихонов Дорофей, крестьянин села Белоярского, приписан к Барнаульскому заводу. Вредительским образом отрубил себе топором два пальца правой руки. Вот так та-ак!

Щербаков внимательнее посмотрел на искалеченную руку мужика. Только сейчас он заметил, что тряпки потемнели и разбухли, и кровь каплями стекает на паркет.

– У тебя, Дорофей, эти пальцы лишние были, а? Тебя спрашивают, чего молчишь, как бревно?

У мужика на лице сквозь кирпичный загар начали проступать белые пятна. Видно было, что открытая рана на руке причиняет ему сильную боль, но он крепился. Крепился из последних сил.

– Чего молчишь, как немой?

Дорофей, морщась от боли, вдруг неожиданно улыбнулся.

– А чё говорить-то?

Секретаря эта его улыбка буквально взбеленила.

– Весело ему! Пальцы зачем себе отрубил, дубина? – орал он. – Знаешь, что бывает таким, как ты, за членовредительство?

– А мне, чтобы на землице работать, и остальных пальцев хватит. У меня дома пять ртов, а заводу калека без надобности.

По лицу Дорофея видно было, что он не только не раскаивается в содеянном, а, наоборот, искренне верит в правильность безумного своего поступка.

Оценив всё это, Василий Степанович понял, что кричи не кричи, а только от этого ничего уже не изменится. Ещё раз посмотрев на изувеченную руку мужика, он, устало махнув рукой, сел за стол.

– Не пойму я тебя, Дорофей, дурачок ты или прикидываешься. А ежели каждый вроде тебя начнёт себе пальцы рубить? Ты хоть представляешь, сколько пудов серебра должны мы ежегодно отправлять в Петербург? Тысячу! Да здесь каждый человек наперечёт, а он – пальцы рубить!

Василий Степанович замолчал. Он вдруг вспомнил картину вчерашнего дня. Когда возвращался он к себе домой на Олонскую улицу, дорогу ему пересёк обоз из пятнадцати подвод, везущих в длинных, похожих на гробы, ящиках руду с Зыряновского рудника.

Зрелище это было настолько привычным и обыденным, что Василий Степанович не придал этому никакого значения. На Барнаульский сереброплавильный завод ежедневно везли руду со всех рудников Алтая. А вот сейчас он как бы заново увидел и измученных дальней дорогой лошадей, и людей, устало шагающих рядом с подводами.

Заводская повинность отнимала у крестьянина самое главное – время и силы, но земля ждать не будет, её надо в срок засеять, и вовремя собрать урожай. Вот и идут люди на любые жертвы, лишь бы освободиться от заводского бремени.

– Значит так. – Щербаков, поморщившись, отвёл глаза от серебряного сатира, в который уже раз пообещав себе убрать со стола это страшилище. – Отведёте его в лазарет, пусть перевяжут, как следует. А коменданту скажете... скажете, что...

Василий Степанович задумался. Он очень хорошо знал, какая участь может ожидать этого горемыку, и почему-то не хотел этого. Неожиданно часовой механизм вновь пришёл в движение, и секретарь, быстро повернувшись, уставился на часы, словно они могли подсказать ему, что же всё-таки он должен был сказать коменданту.

– Ну, в общем, скажете его благородию, что Дорофей Тихонов получил вполне по заслугам.

Оставшись довольным таким несколько туманным ответом, Щербаков уткнулся в бумаги, давая понять, что разговор на этом закончен.

Дорофей, несмотря на мучительную боль, стоял спокойно и терпеливо, ожидая своей участи. Сообразив, что самое плохое для него уже позади, он широко улыбнулся и тут же, потеряв сознание, повис на руках солдат.

Чертыхаясь, они подхватили его бесчувственное тело и понесли к дверям, как вдруг те широко распахнулись, и в приёмную вошёл Иоганн Самюэль Христиани. Одет он был в только что сшитый камзол из зелёного сукна, обложенный серебряным позументом.

Новая форма горных офицеров была совсем недавно утверждена Высочайшим Соизволением, и Иван Семёнович, который всегда очень следил за своей персоной, облачился в неё одним из первых в Барнауле.

Не обращая никакого внимания ни на вытянувшихся солдат, ни на поднявшегося со своего места секретаря, Христиани пытался разглядеть своё изображение в небольшом настенном зеркале. Несколько раз довольно хмыкнув, он, преисполненный самым благодушным настроением, повернулся к Щербакову, лихо пристукнув при этом высокими каблуками сапог. Звук, раздавшийся при этом, показался Ивану Семёновичу довольно странным, и он посмотрел вниз.

Его начищенные до блеска сапоги стояли в луже крови.

– Это что? Кровь откуда?

– Иван Семёнович, вам два пакета: один из Санкт-Петербурга, другой из Томска.

С этими словами Щербаков направился к дверям, чтобы выпроводить из приёмной солдат вместе с покалеченным мужиком, но Христиани остановил его.

– погоди, Василий Степаныч. Не торопись...

Он тщательно вытер об пол кровь с подошвы сапог, потом не спеша подошёл к креслу и сел в него.

Дорофей, придя в себя, бессмысленно таращил на него глаза, тяжело навалившись на солдат.

Христиани какое-то время молча рассматривал их, затем повернулся к секретарю.

– Василий Степаныч, а ведь для пыток у нас другое место есть, зачем же в приёмной кровь пускать?

Сказано это было тоном, не предвещавшим ничего хорошего. Щербаков, сделав вид, что получил от этой мрачной шутки удовольствие, осклабился.

– Да разве ж это кровь? Тьфу, а не кровь! Вот в пытошной, там кровь, там она ведрами льётся, а здесь... Приписной Дорофейка Тихонов спьяну поранился по глупости.

В любой другой момент Иван Семёнович вполне бы и удовлетворился таким объяснением, но сегодня – то ли новый камзол слегка жал в плечах, то ли потому что была среда, но только за испачканные сапоги кто-то должен был ответить. Христиани уставился на солдат:

– Почему в канцелярию привели, а не в лазарет?

– Потому что он доставлен сюда от коменданта с бумагой!

Анисим старался унять дрожь в коленях и выглядеть молодцевато.

Иван Семёнович, разглядывая кровоподтёки на его лице, тут же насторожился:

– От коменданта? С какой бумагой?

Анисим молча показал глазами на секретаря.

Василий Степанович вдруг неожиданно засуетился, быстро подошёл к столу и минуты три искал лежащую на самом видном месте нужную бумагу, задел её, смахнул на пол и только потом, достав её из-под стола, подал Христиани.

Тот, с лёгким недоумением посмотрев на Щербакова, взял у него бумагу и стал читать.

Василий Степанович, сев за стол, откинулся на спинку стула и начал выбивать пальцами мелкую дробь.

– Так значит, спьяну и по глупости, а, Василий Степаныч? – усмехнулся Христиани.

Он встал с кресла и подошёл к искалеченному мужику.

– Да ведь народ-то здесь, какой, Иван Семёнович? Без разумения всё людишки-то, тёмные.

Щербаков с сожалением посмотрел на Дорофея. Ему почему-то было жаль этого мужика, и он сам отпустил бы его с Богом на все четыре стороны, но судьба-злодейка, вмешавшись в виде Иоганна Самюэля Христиани, рассудила всё по-своему.

– Я сам знаю, какой здесь народ. Что в наказание?

Василий Степанович сморщился, будто клюкву раскусил, громко откашлялся, прочищая горло, а потом заговорил тихо, осторожно, аккуратно подбирая слова:

– Мужика распускать нельзя, и наказывать за это надо, а то порядку не будет. Иные вон по несколько нареканий в месяц имеют. Вот с такими нужно строго и без церемоний. Дорофей Тихонов, вероятнее всего, пальцев своих лишился образом случайным, и я бы не стал спешить с наказанием до полного выяснения всех обстоятельств этого дела.

– Сейчас выясним, – живо откликнулся Христиани.

Он подошёл к окну и, не поворачиваясь, спросил безразличным тоном.

– Как же ты, Дорофей, лошадыю-то править собирался без пальцев? Неудобно, поди, будет.

Плохо уже что-либо понимающий Дорофей на слово «лошадь» отреагировал мгновенно.

– С лошадыю управлюсь... Я ведь левой уродился. – Он заговорщически подмигнул. –

Потому правую руку под топор и положил.

Крупные желваки у Щербакова заходили ходуном.

Иван Семёнович быстро взглянул на него. Смотрел с торжеством.

– Сто пятьдесят шпицрутенов и работы на Змеиногорском руднике. Увести!

Еремей, услышав это, охнул, и рука его непроизвольно потянулась креститься. Дорофей вдруг засобирился домой.

– Вы меня, Ваше высокородие, отпустите... Пора мне. Землица стоит. Рожь собирать надо... За-ради Христа!

Христиани с удивлением смотрел на топчущихся на месте солдат:

– Я сказал увести!

– А то у меня пятеро ртов голодных, да мать не двигается... – твердил своё мужик. – Как им без кормильца-то? А вы меня, Ваше высокородие, домой прикажите отпустить. Христом Богом прошу! И с лошадыю, вы не думайте, я управлюсь...

Солдаты, цепenea под взглядом всеильного управляющего Барнаульским сереброплавильным заводом, почти волоком вынесли приписного крестьянина села Белоярского Дорофея Тихонова за дверь.

Иван Семёнович с усмешкой посмотрел на секретаря.

– А ты, Василий Степаныч, говоришь: обстоятельства. Вот они, обстоятельства! – он крепко сжал руку в кулак. – На этом всё и держится. Больно жалостливым стал. Смотри, как бы не навредило.

Щербаков, не желая встречаться с ним взглядом, наклонившись, сделал вид, будто что-то ищет в нижнем ящике своего стола. «Вот чёрт нерусский, ни дна ему, ни крышки! Не сердце, а какой-то кусок дерева».

Вдруг отчётливо послышалось чьё-то сопение. Оно исходило от двери, за которой находился Прошка. «Подслушивает, стервец!» – догадался Щербаков.

– И вот ещё что, – сапоги Христиани показались в поле зрения секретаря. – Как фамилии солдат? Из какой роты? Слишком долго думают, вместо того, чтобы исполнять.

Василий Степанович выпрямился, с ненавистью посмотрел на ехидно ухмыляющуюся рожу серебряного сатира.

– Солдат? Где-то в бумагах весь личный состав записан. Всех-то разве упомнишь?

В следующее мгновение произошло то, чему ни Щербаков, ни Христиани вразумительного объяснения дать не смогли.

Прошка, подобно злomu духу, возник, казалось, из ничего. Когда он успел выйти из дверей своей конурки и подойти так близко, для них осталось полной загадкой.

– Анисим Чуркин и Еремей Кабаков это были, Ваше превосходительство!

Христиани слегка вздрогнул и, увидев перед собой лицо со смотрящими в разные стороны глазами, почувствовал, как по спине поползли мурашки.

Уже через мгновение Иван Семёнович с удивлением спрашивал себя, что же так могло напугать его в этом невзрачном человечке, но так и не смог ничего ответить.

– Молодец! Что же это, Василий Степаныч, у тебя с памятью стало? Ты не помнишь, а вот подчинённые твои помнят.

Иван Семёнович похлопал писаря по плечу, но при этом поймал себя на мысли, что он не сколько хлопает, сколько отталкивает подальше от себя назойливое и странное это лицо.

– Рад стараться, Ваше превосходительство!

Щербаков, перехватив на себе внезапно вспыхнувший и тут же погасший Прошкин глаз, из-за спины Христиани показал писарю кулак.

– Они на то и подчинённые, чтобы всё помнить. А ты пошёл, пошёл на своё место! Дел невпроворот, нечего тут прохлаждаться. Постой! Кровь сначала убери отсюда. Да поживей!

Уже через мгновение писарь заводской канцелярии Прохор Шнурков, ползая на коленках и ощерившись от усердия, лихорадочно тёр мокрой тряпкой паркет.

Христиани и Щербаков молча наблюдали за ним. Убрав пятно, Прошка, согнув спину и пятясь задом, исчез за дверью.

– Да-а... – неопределённо протянул Иван Семёнович.

Часы пробили два раза. За окнами бушевало солнце. Щербаков, всегда плохо переносящий жару, почувствовал себя нехорошо. Все три окна в приёмной были закрыты, и он распахнул два из них.

Горячий воздух облегчения не принёс, зато в помещение ворвались звуки улицы. Лаяла собака. Во весь опор, стуча подковами, пронеслась лошадь, чуть не сбив какую-то бабу, и та, выронив с перепугу лукошко с яйцами, кляла всадника на чём свет стоит. Орала петухи. Прямо под окнами канцелярии остановился бычок, и испуганно мычал, басовито и протяжно, уставившись на двух дерущихся котов, которые клубком выкатились ему под ноги и оглашали окрестности дикими воплями.

От этих звуков Василий Степанович неожиданно почувствовал себя значительно лучше. Они, эти звуки, вернули ему душевное равновесие, пошатнувшееся от всех треволнений, связанных с отрубленными пальцами, загубленными на рудниках человеческими жизнями, Прошками и, главное, жалостью человеческой, которой ежели поддаться, то жить станет совсем уж неумоготу.

Иван Семёнович, стоя у окна, расстегнул свой камзол. Под ним была тончайшая белая шелковая рубашка, отделанная французским кружевом, тоже новая. Он искоса посмотрел на Василия Степановича, проверяя произведённое рубашкой впечатление, но тот с сосредоточенным видом затачивал перья, и на Христиани не глядел.

Справа от Канцелярии, наискосок, находилось каменное одноэтажное здание аптеки, к которому, сейчас не спеша приближался лекарь Цидеркопф. Несмотря на жару, одет он был с головы до ног во всё чёрное. От солнца он прикрывался большим, тоже чёрным, зонтом, руки его украшали неизменные перчатки.

Разглядев в окне Ивана Семеновича, он церемонно поклонился ему и хотел было уже продолжить свой путь, но тут один из котов, решив, что разорванного уха и исцарапанной в кровь морды вполне достаточно, кинулся бежать от своего соперника, и не куда-нибудь, а в сторону Петра Адольфовича. Перебежав тому дорогу, он, вскарабкавшись на забор, исчез.

Христиани с интересом наблюдал за Цидеркопфом в ожидании последующих его действий. Дело в том, что у Петра Адольфовича удивительным образом уживались религиозность с крайней степенью суеверия, а перебежавший ему дорогу кот был самого что ни на есть чёрного цвета.

Лекарь, резко остановившись, быстро перекрестился, плюнул три раза, а потом ни секунды не колеблясь, развернулся и пошёл в обратную сторону.

Иван Семёнович, усмехнувшись, проводил его взглядом, затем повернулся к Щербакову.

– Так что там у нас с почтой-то, Василий Степаныч?

Тот, ни слова не говоря, выложил перед ним на стол два пакета. Распечатав один из них, Христиани возбуждённо заходил по комнате:

– Наконец-то! Беэр сообщает, что из Петербурга, получено Высочайшее разрешение на строительство монетного двора в Сузуне. Свои денежки печатать будем на всю Сибирь до Урала! Разбогатеет, а, Василий Степаныч?

Щербаков, не захотевший в присутствии этого немца проявлять особой радости от сообщения, уклончиво ответил:

– Край богачейший. По золоту ходите.

Глаза управляющего сереброплавильным заводом слегка сузились. Ему не нравилось порой вызывающее поведение секретаря, давно хотелось одёрнуть его, поставить на место, но Щербаков пользовался особым доверием генерал-майора Беэра, и осторожный немец открыто на конфликт идти не решался.

Христиани, распечатав второй пакет, быстро просмотрел его:

– «Распоряжением Кабинета в Канцелярию Колывано-Воскресенских заводов предписывается пересылать в кунсткамеру богатые и курioзные штуды, камни и окаменелые вещи». Ну, этого здесь добра хватает. Недавно слышал опять, в районе Сентелека найдены курганы с чудским золотом и каменными бабами.

Щербаков, обмакнув перо в чернильницу на мгновение задумался, а потом мелкими ровными буквами дважды написал на бумаге «служить верно и нелицеприятно». Перо, подточенное без заусениц, выводило чисто и не брызгало.

Оставшись довольным своей работой, Василий Степанович посмотрел на Христиани.

– Курганы те людишки раскапывают, и всё, что там находят, растаскивают. Золотые вещицы продают перекупщикам.

– Запретить!

Тяжёлый кулак Ивана Семёновича громыхнул по столешнице.

– Прикажете возле каждого холма по солдату поставить?

Они встретились глазами и так смотрели несколько секунд, не уступая друг другу.

– Прикажу, поставите!

Христиани повернулся уходить, но, задев широким обшлагом рукава лежащую на самом краю стола какую-то книгу, уронил её на пол. Это была «Обстоятельное наставление рудному делу» президента Берг-коллегии господина Шлаттера...

На этом месте позвольте мне, уважаемый читатель, прерваться для того, чтобы в повествовании появилось ещё одно лицо, чья роль в истории Колывано-Воскресенских заводов весьма значительна и переоценить которую невозможно.

Глава 4. Чарышская экспедиция Ивана Ползунова

Как только последняя четвёртая свая, выровнявшись, встала на своё место, унтершихт-мейстер Иван Ползунов, с берега наблюдавший за работой, громко скомандовал.

– Забивай!

Два здоровенных мужика, Клим Прокудин и Ефим Незнамов, стоя на закреплённом плоту, надсадно вскрикивая, с отяжкой в очередь застучали тяжёлыми молотами по белесому распилу выступающей без малого на сажень из Чарыша сосны. Речное дно, сопротивляясь глубинными валунами, нехотя поддавалось, уступало человеческому напору, впуская в себя остриё сваи.

В этом месте, где Чарыш делает крутой изгиб, он особенно глубок и удобен для судоходства. Именно затем, чтобы определить место для будущей пристани, и был послан сюда Иван Ползунов вместе с пятью работными людьми. Для охраны от диких кочевых племён придан им был малый отряд солдат в восемь человек под командованием капрала Захара Онищенко.

Экспедиция эта для Зимнего дворца имела особое значение, так как перевозка змеиногорской руды посуху до Барнаула обходилась Кабинету в кругленькую сумму, а предложенный Ползуновым проект доставки её по Чарышу и до Оби значительно сокращал время и расходы. Поэтому всем управляющим рудниками и заводами, всем комендантам крепостей строжайшим образом предписывалось команде этой всячески помогать и препятствий не чинить.

От заводской Канцелярии с Ползуновым был командирован Пётр Фаддеич Лошкарёв для описи и учёту новых поселений из беглых крепостных и старообрядцев, селящихся преимущественно в верховьях Чарыша.

Рано утром двадцать седьмого июля 175... года небольшой отряд в пятнадцать всадников, прихватив с собой три сменные лошади и крепкий шарабан с провиантом и инструментами, выехал из Барнаульского завода.

Поднявшись на гору, Ползунов приказал остановиться. Разыскав глазами небольшой домик на Иркутской улице, смахнул он непроизвольную слезу, а затем поклонился до земли раскинувшимся внизу крепости, заводу, ровным рядам домов.

Помолясь на кресты Петропавловского собора, испросив Божью помощь и поддержку, люди тронулись в долгий путь.

Добравшись до Змеиногорского рудника, Ползунов, передав Иоганну Леубе пакет из заводской Канцелярии, на следующий же день, не мешкая, со своими людьми отправился в сторону Чарыша, пополнив запасы провизии и сменив одну из лошадей. Её атаковал огромный шершень, оставив на шкуре немалый порез, который теперь загноился и причинял животному мучительную боль.

В Змеиногорске же взяли с собой небольшую клетку с голубем на тот случай, если вдруг понадобится помощь, а ежели она не успеет, то хотя бы указать место, где сложили первоходцы буйные свои головы.

Путь до Чарыша предстоял нелёгкий. Практически полное бездорожье, отсутствие человеческого жилья, кровососы, дикие звери и постоянная опасность нападения джунгарских отрядов, считавших эти земли своими. Но или судьба благоволила, или нагрешили эти люди не так уж много, а только экспедиция без особых для себя потерь разыскала кратчайшее расстояние от Змеёвой горы до своеговольного красавца Чарыша.

Равнялось это расстояние восьмидесяти пяти верстам. И вот теперь, когда место под пристань было найдено, последняя свая, отметившая его, была крепко вбита, унтершихтмейстер Иван Иванович Ползунов мог вздохнуть спокойно и считать работу свою выполненной.

Он подошёл к самой воде. Чистая, зеленоватого цвета, с маслянистым от солнца оттенком, она плотным подвижным своим телом вольно расположилась между берегами.

Противоположный берег, поросший густым лесом, громоздился над рекой причудливыми гористыми формами, напоминавшими какие-то сказочные существа. Они, эти существа, как будто вперегонки бежали к воде, толкаясь и резвясь, а, достигнув её, так и застыли, не в силах сдвинуться с места от такой красоты.

Ползунов прислушался. В двух верстах отсюда, выше по течению, Чарыш мелел и, словно сердясь за это, врезался в выступающие со дна камни, раздражаясь брызгами и вспыхивая многочисленными белыми бурунами. Недалеко от того места была обнаружена небольшая в десять дворов деревенька, нигде до этого не отмеченная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.